

Вячеслав Лим
Первый раз - не больно,
или вся правда
про убийство Кеннеди

Вячеслав Лим

Первый раз – не больно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17103886

ISBN 978-5-4474-4282-8

Аннотация

В жизни каждого из нас наступает такая пора, когда нестерпимо хочется чем-то делиться. Яркими, незабываемыми моментами, невероятно грустными историями и накопленным за многие годы опытом. В этой книге есть все – много женщин, много историй и два закадычных друга. Есть любовь и ненависть, страсть и предательство. Но мой главный герой – это не только гениальный пикапер (англ. pick up) и неисправимый похититель женских сердец. Он еще и вдумчивый философ, неизлечимый романтик и настоящий друг.

Содержание

1	6
2	17
3	21
4	26
5	32
6	35
7	37
8	39
9	44
10	47
11	50
12	54
13	62
14	67
15	68
16	73
17	75
18	82
19	85
20	91
21	97
22	102
23	106

24	108
25	111
26	117
27	118
28	126
29	133
30	135
31	140
32	143
33	147
34	155
35	159
36	162
37	165
38	170
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Первый раз – не больно Или вся правда про убийство Кеннеди Вячеслав Лим

*«...Любовь – что грех. Моя любовь
Для тех, кому знакома страсть
Смотри: в её глазах пылает пламя
Она тебя полюбит, словно муху
И, больше, никогда, любить тебя не сможет...»
(Massive Attack, «Paradise Circus»)¹*

© Вячеслав Лим, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она была прехорошенькая. Нет, нет. Она не походила ни на одну из тех, юных красоток, что используют все свое пышное очарование для ловли жирных налимов или атлетически сложенных окуней. Она не была похожа ни на одну представительницу армии киношных актрис, вульгарно затянувшихся в кожаные брюки и штурмующих ваш несформировавшийся мозг, взрывая его изнутри шквалом тестостерона.

Какой она была? Ей было около тридцати пяти. Короткие, черные, как антрацит, волосы, большие зеленые глаза и маленький, усыпанный веснушками нос, делали ее похожей на взъерошенного котенка. А проникновенный и слегка ироничный взгляд превращал ее в умную хищницу, с острыми коготками – уверенную и знающую себе цену, женщину-кошку. Каждая деталь ее безупречной внешности, ее стрижка, и даже кожа вокруг ее выразительных глаз и чувственных губ, говорили о том, что за ними старательно ухаживают, позволяя им регулярно посещать приличный косметический салон. Ее тактический арсенал, укрытый синим шелком, включал в себя совершенное биологическое оружие. А серебристая пуговичка на ее блузке хоть и выступала гарантом мира и безопасности, но никак не гарантировала этому миру спокойствие. Притворно ухмыляясь, пуговичка-детонатор устрашающе вибрировала с каждым вздохом ее

обладательницы.

Она была одной из многих. И, в то же самое время, она была абсолютно другой. Она была прехорошенькая.

– Так может быть вы мне, все-таки, расскажете, что заставило Вас обратиться ко мне?

Эта фраза вернула Славу из его раздумий, но несколько не освободила от того гипнотического состояния, в которое его погрузила маленькая перламутровая бестия, всем своим видом выказывающая готовность развязать войну и, так по-предательски, скрывающая от Славы все прелести этой ошеломляющей, победоносной битвы.

– А, разве, не Вы должны начинать? Ну, задать какой-нибудь наводящий вопрос, чтобы я мог на него ответить... – вооружившись недоверием, заговорил Слава, успев заметить, что со стороны, его недоброжелательный тон выглядел довольно-таки нелепым.

– Ну, во-первых, я не Ваш психоаналитик, а, во-вторых... Вы ведь не станете возражать, если я расстегну эту пуговицу?

Возражать Слава не стал, решив попросту отмолчаться. Пока же он старательно изображал на лице отсутствие ответа на вопрос, а попутно еще и абсолютное безразличие к любому из принятых ею решений, Анна, Вера, или Мария (у Славы была отвратительная память на имена), отложила в сторону, лежавший у нее на коленях, белый гляцевый планшет с черным, погасшим экраном и расстегнула пуговицу.

Оставаясь неподвижным, Слава лишь крепче сжал подлокотники своего кресла, словно был не уверен в надежности их крепления. Рука Анны-Марии не торопилась возвращаться за оставленным ею планшетом и, едва сжимая в пальцах отворот блузы, чуть выше пуговичной петли, перебирала ее темно-синий шелк. Душу Славы, вопреки его ожиданиям, быстро заполняло необъяснимое и очень приятное спокойствие. Он расслабил плечи и переплетя пальцы рук, непроизвольно повернул голову влево, в сторону камина, словно бы в нем должна была лежать подсказка, или же где-то там, в его глубине, сидел театральный суфлер. Но ни головы суфлера, ни какой-либо другой подсказки, в камине Слава не обнаружил. Его губы непроизвольно шевельнулись, расплывшись в легкой ухмылке. В ту же секунду, в его голове что-то перезагрузилось, и он вновь оценил свою собеседницу. Да, определенно, она была хорошенькой. Ему нравилось в ней буквально все. И то, как она держала голову, чуть приподняв подбородок, и то как уверенно она говорила, то, как умело ее глаза скрадывали легкую иронию ее фраз, срывающихся с ее безукоризненных и, должно быть, невероятно вкусных губ. Ее запястья, изящные и хрупкие, снабженные такими же тонкими, длинными пальцами, очерчивали в воздухе замысловатые и, от того еще больше кажущиеся волшебными, фигуры. При всей своей внешней холодности и отстраненности, она источала легкое, обволакивающее и убаюкивающее тепло. Все это, делало ее интересной, загадочной... утонченной.

А может, это был чертов тестостерон.

– Я хочу жениться, – уверенно начал он и с удовольствием ощутил вернувшееся к нему тело и, одновременно, слегка жестковатую спинку кресла, – Вернее, все мои друзья говорят, что я должен жениться. Да я и сам иногда начинаю чувствовать, что готов сделать предложение моей... одной из моих знакомых... Но, каждый раз, что-то...

Слава вдруг замолчал. Словно подбирая нужные слова, он задумчиво взглянул на темный экран планшета, на мгновение перевел взгляд на перламутровую пуговицу-террористку и, окончательно сфокусировавшись на паре внимательных, зеленых глаз, продолжил, старательно догоняя убегающую от него мысль:

– ...каждый раз..., в общем, ничего не получается. И, каждый раз, по моей чертовой вине.

Слава стал потирать мочку уха, так, как он это делал в детстве, когда совершал что-то такое, что могла не одобрить его мама, узнай она об этом. Так, как он это делал на экзамене в институте, когда нащупывал во внутреннем кармане пиджака «бомбу»², готовясь выдать ее лопуху-профессору

---

² «Бомба» (слово из студенческого сленга) – одна из разновидностей шпоргалки. Ответ на экзаменационный вопрос пишется полностью и на большом листе бумаги и закладывается в специально пришитый по размеру листа внутренний карман пиджака, дабы лист не помялся. Таким образом, в отличие от простой шпоргалки (тезисы, цитаты, формулы), у студента был готовый развернутый ответ на билет. Писать что-либо на экзамене (в аудитории) было не нужно. Оставалось только незаметно вынуть нужную «бомбу». Для удобства поиска, к краям листов, приклеивались ярлычки с номерами билетов.

за результат их офигенски плодотворных совместных стараний. Теперь же, он растирал ухо даже тогда, когда единственным свидетелем его поступка могла стать только его совесть. Например, на дороге, когда своим неаккуратным маневром, он вынуждал остальных участников движения в бешенстве давить на клаксон. Или вот, как сейчас, когда он с трудом выдавил из себя это свое «...не получается».

– Кто она, эта Ваша «одна из знакомых женщин»? – понимающе улыбнулась Мэри Поппинс. – И, что же все-таки означает эта Ваша фраза: «ничего не получается»?

– Она?.. Эта женщина – мой друг. Мой чертов друг, который так долго находится с тобой рядом, что кажется тебе просто другом. Нет, конечно, я, безусловно, люблю эту женщину и хочу... – на этом месте Слава сделал небольшую паузу и, слегка коснувшись мочки уха, продолжил, – ...именно поэтому один из... мой приятель... он – мужчина... заставил меня обратиться к Вам. Ему кажется, вернее, он уверен, что Вы снимите с меня какое-то заклятье. А, по-моему, нет никакого заклятья. Есть просто безответственный неудачник, готовый сделать, и совершающий это самое «что угодно», только бы армия женатых идиотов не смогла пополниться очередным членом.

– Вам он очень дорог?

– Кто? Друг?

– Нет. Ваш член.

Снежная Королева жестом остановила следующую фра-

зу Славы, уже было сформировавшуюся в его голове и, ловко перехватив инициативу, несколько прищурившись, перефразировала:

– Так, что не так с Вашим членом?

Наверное, сейчас был тот самый момент, когда можно было наглядно продемонстрировать работоспособность своего органа, как доказательство того, что с ним все было в полном порядке. Но, Слава этого не сделал. Он с удивлением обнаружил, что место, где, по его мнению, должен был находиться предмет их дискуссии, удивительным образом потеряло все свои нервные окончания. Оно зияло полнейшей пустотой. Чтобы хоть как-то вернуть себе уверенность в принадлежности к мужскому полу, ему даже пришлось слегка поерзать в кресле, мысленно, сверяя анатомические чертежи с оригиналом того, что удалось обнаружить. Небольшой прилив крови его успокоил.

– Вот в том-то и дело, что со мной, то есть, с ним, все в порядке, – приобретя былую уверенность, продолжил Слава, – Может быть, даже слишком в порядке. Может быть, я, поэтому, и не уверен, что могу быть правильным мужем. Быть верным или, как там еще говорят, добропорядочным семьянином. Может я кем-то и проклят? Тогда, этот кто-то, совершенно точно, вот в этот самый момент, катается у себя там по облаку и держится за живот, созерцая, как я тут изливаю Вам душу полного засранца.

– Вас неправильно информировали, – спокойно дождав-

шись своей очереди, произнесла Снежная Королева.

– Что Вы имеете в виду? – поинтересовался Слава и ощутил себя слегка обманутым.

– Ваш приятель. Он отправил Вас не по адресу. Я не снимаю порчу, я не отворачиваю заклятия и уж тем более, не выписываю рецептов, типа «заварите крепкий чай натошак и делайте дыхательные упражнения, приседая и держась при этом за мошонку». Хотя, в Вашем случае, я бы не пренебрегала последним советом.

Снежная Королева высвободилась из объятий уютного кресла и превратилась в учительницу географии. К счастью, не в его учительницу. Его «географичка», была полнейшим антиподом той, что стояла сейчас перед ним. Та, что была родом из его детства, что врезалась в его юношескую память, была настолько старой, и покрыта стольким количеством морщин, что своим возрастом и чувством вызываемого к себе отвращения, могла поспорить с древнейшими египетскими мумиями. Не теми, сверкающими великолепием золота и завораживающими совершенством линий подбородка, какие демонстрируют нам лживые киношники и циничные музейщики, а другими – отвратительными и омерзительными, воняющими отмирающими тканями и подвальной сыростью. Он в точности не знал, существовали ли в действительности такие, отвратительные. Но, он был просто уверен в этом. Так подсказывало ему его воображение. То же самое воображение, рисовало ему сейчас настоящую «геогра-

фичку». Ту, какой она должна была быть. Ту, которая сейчас смотрела на Славу, повергая его в полнейший ступор, подгоняя кровь к его пещеристым тельцам.

– Вы продолжайте, – в голосе учительницы, вдруг, прозвучали нотки снисходительности, – а я, пока, приготовлю для нас чай...

Она повернулась и, направляясь к чайному столику, стоявшему в углу комнаты, не оборачиваясь, с той же мягкой интонацией, произнесла:

– Курите.

Только сейчас, он обратил внимание на стоявшую перед ним хрустальную пепельницу, выделявшейся своей девственной чистотой среди прочих предметов, разбросанных по всему журнальному столу в строгом подчинении правилам абсолютного хаоса.

Пока черная, ласковая кошка, занималась тем, что грациозно разливала чай в изумрудные чашки из тонкого фарфора, Слава, все больше и больше, погружался в удивительную атмосферу этой комнаты. Он отчетливо уловил тонкие, невидимые запахи, исходящие от не задернутых гардин, смешанные с ярким пучком солнечного света, распластанном на паркете правильным прямоугольником, уходящим под плинтус и теряющимся в черном космосе толстой стеной перегородки. Заметил, как на центр таинственной комнаты, вдруг, вышел огромный, до сих пор ничем себя не выдававший, таившийся у стены, погасший камин, осед-

ланнный вычурным бронзовым всадником, нарушившим тишину громким тиканьем своих шестеренок. Предметы, лежавшие на столе, часть из которых были ему заочно знакомы, то ли по антикварному салону, то ли по какому-то из многочисленных, пролетевших через его голову фильмов, зашевелились и поползли. И, кажущийся хаос, приобрел какой-то таинственный смысл. Славе давно хотелось закурить, но, нащупав пачку сигарет во внутреннем кармане пиджака, он вдруг передумал. Он боялся спугнуть волшебство запахов, боялся потерять из вида чудесную женщину-кошку, стоящую у чайного столика по другую сторону от той самой солнечной границы, разделившей комнату на две части и поместившей Славу в сказочно-таинственную. Он вновь бросил взгляд на пустую пепельницу и мысленно улыбнулся. Возможно, этой пепельнице вообще никогда не суждено было познать мерзкий запах сигаретных окурков. Если только ее не отнесут скупщику, и там ее не выкупит какой-нибудь заядлый курильщик, которому будет глубоко наплевать на ее прошлую, чистоплотную жизнь.

– Вам положить в чай дольку лимона? – послышался вкрадчивый голос кошки.

«Нет, я не люблю лимоны в чае», – хотел тут же ответить Слава, но вместо этого, он задал давно интересовавший его вопрос:

– Скажите, а все экстрасенсы, проходят какой-то специальный отбор, в каких-то специальных конкурсах красоты

для экстрасенсов? – и, обнаружив широкую улыбку на лице у женщины, он поспешил извиниться, – Я бы никогда Вас об этом не спросил, но других экстрасенсов я не знаю. Вы мой первый в жизни экстрасенс.

– Нет, не все, – с той же широкой улыбкой, ответила ему кошка, – Я прошла вне конкурса. Но, если Вас интересует эта сторона моей профессии, я Вас вынужденно разочарую. Я та самая лягушка, что ударилась оземь и превратилась в то, что Вы видите, Слава. Если бы вместо Вас, в Вашем кресле сидел Ваш приятель, то, возможно, он бы увидел перед собой Вашу «географичку».

С этими словами, женщина-кошка пересекла воображаемую Славой границу и столб солнечного света, мгновенно оторвавшись от паркета, скользнул по ее бюсту, обхватил талию и, так же шустро, пробежавшись по ее, синим, лакированным туфлям, мгновенно успокоившись, вернулся на свое прежнее место. Она принесла изумрудные чашки, наполненные янтарным чаем, пахнущим жасмином. Присев на свое кресло, она поставила чашки на стол, для чего слегка подавалась вперед, позволяя Славе насладиться прелестями своего декольте.

– Вы же не за этим сюда пришли, – произнесла Анна (он, наконец, вспомнил ее имя), слегка погасив удушливую волну, хлынувшую к Славиной голове откуда-то из области грудной клетки, – Если Вы заплатили мне деньги, то, это еще не означает, что Вы получите то, что обычно ожидают полу-

чить мужчины от женщины. Но... – она жестом отрезала его возражения, – ...это, так же, не означает, что Вы потратили их зря...

Она тепло улыбнулась, и к Славе вернулось его сознание, перелетевшее на мгновение за солнечный прямоугольник. Он взял со стола изумрудную чашку и, большим глотком, протолкнул внутрь своего живота остатки душившего его комка. Ему был хорошо знаком этот тон, которым говорила с ним Анна. Он означал только одно... И, с «женского языка», он переводился, как: «Секса не будет».

– Это не я искушаю Вас, – продолжала она, – это Вы себя искушаете. Хотите совет? Женитесь на ней, – она поставила свою чашку на стол, не прикоснувшись к напитку, – И не искушайте судьбу, мой друг.

Улица встретила Славу легким шорохом пролетающих мимо машин, и, гремящих железом, грузно ползущих по рельсам, трамваев. Направившись на парковку к обливающейся потом машине, он жарко жестикулировал, разговаривая со своим телефоном.

– Да она обычная шарлатанка. Ты заплатил ей кучу денег, а взамен я получил только ее идиотское «женись»... Да она даже не спросила, как зовут Машу... Откуда ей знать, хочу ли я вообще жениться на Машке.... Да, хочу. Но, я ей сам об этом сказал... Ладно, проехали. Одно меня до сих пор не отпускает... Что-что? Боря, о такой женщине можно только мечтать, а я облажался как школьник... Да не о Машке. Об этой твоей ведьме, от которой я еле унес ноги. Я чуть спермой не захлебнулся...! Ты смеешься? Да эта дамочка даже не для моих зубов. И уж точно не для твоих, женатый хрен... Все! Забыли...! Да женюсь я, женюсь. Не доставай меня... Я все помню... К понедельнику, я постараюсь все доделать... Что-то уже готово. Сценарий точно готов... Хорошо... Нет, собираюсь к Машке, черт бы ее побрал... Да не Машку, ведьму эту. До сих пор в голове сидит... Все, ладно, я улетел... Давай, увидимся.

Слава бросил телефон на пассажирское сиденье и, плотно закрыв глаза, сжав скулы, тяжело вобрал в себя раскаленный

воздух.

Отчего он вдруг вспомнил ту милую, сексуальную библиотекаршу? Сейчас она отчетливо стояла перед его глазами. Да... Она была чертовски привлекательна. Юная блондинка, лет двадцати, встретила его у библиотечной стойки с той улыбкой, с какой женщины легкого поведения встречают своего клиента. Ее улыбка не была вульгарной. Отнюдь. Такой взгляд присутствует тогда, когда женщина заранее угадывает желание мужчины. Именно такой улыбкой, встретила его, юная книжная фея. Он уже не помнит, что тогда спросил и какую книгу он искал.

Вроде бы, «что-то по маркетингу и рекламе...» Блондинка утвердительно кивнула, и достала из ящичка, как ему показалось, первый попавшийся ей под руку формуляр. Она вложила его в зеленый кожаный планшет и, любезно, согласилась проводить Славу к домику заветной книги.

Пробираясь по лабиринтам из книжных стеллажей, Слава следовал за юной девой, не отводя глаз от ее, чуть угловатого, но, от того, не менее пикантного, силуэта. И чем дальше они углублялись в библиотечные дебри, тем отчетливее отдавалась от них цель их поиска. Он это почувствовал каким-то неведомым, шестым или восемнадцатым, или, даже, тридцать шестым, чувством. Пыльный библиотечный воздух пах сладковатым влечением, а книжные полки, вросшие в старый обшарпанный паркет, тяжело сопя и поскрипывая, смыкались за их спинами непроходимой стеной. В конце кон-

цов, путники заблудились. Книжная фея повернулась к Славе и встретила с ним взглядом, изобразив растерянность, затерявшегося в лесу грибника. Слава улыбнулся, давая ей понять, что он уж точно не знает дорогу. И обратную, тоже не знает. И вообще, не уверен, что ему нужна эта книга. Его спутница улыбнулась ему в ответ и, положив зеленый планшет на книжную полку, окончательно отказалась от поисков. Она медленно сняла очки и, аккуратно согнув черные пластиковые дужки, так, что Слава ощутил каждый их щелчок, отправила модный аксессуар вслед за планшетом.

– Послушайте, – прервал тишину Слава, потеряв мочку уха, – я не знаю, за кого Вы меня приняли... Может быть, я, произнес чей-то чужой пароль, но мне действительно нужна была только эта книга.

В ее, слегка подрагивающих от трепета зрачках, Слава увидел отражение своей растерянности перед своими желаниями.

– У нас нет этой книги, – уверенно произнесла блондинка, расстегивая пуговицу его рубашки, не сводя с него глаз, – Ее еще не написали. Может, ее потом напишут? А, может быть, Вы ее напишете?

Слава почувствовал себя загнанным в угол. Было бы глупо возражать таким весомым аргументам. Но, еще более глупым, выглядело бы, сейчас, его бегство. Он не мог позволить себе самолично растоптать свое мужское достоинство, совершив идиотский побег на глазах у той старой ку-

рицы из читального зала, что проводила их хитрым взглядом опытной шпионки. В тот же момент, он, инстинктивно, коснулся рук юной феи чуть выше локтей и, ощутив в своих пальцах шелк ее кожи, полностью капитулировал. Усилившаяся в разы, гигантская волна сладострастия, настигла их, плотной стеной сбила с ног и, накрыв собой, закрутила в водовороте ее юного тела...

Он давно не был в той библиотеке, но сейчас, его мозг старательно проматывал перед ним все его «чертовы причины», его «чертовой вины», его «чертовой холостяцкой жизни». На мгновение, он снова вернулся к женщине-кошке, размешивающей сахар в своей чашке. Теперь, Слава отчетливо слышал звон от прикосновения серебряной ложечки со стенками прозрачного фарфора. Он усмехнулся, открыл глаза, и повернул ключ в замке зажигания. Музыка в динамиках зазвучала жестче и громче:

*«Печально, но почуяв бурю
Мы изворачиваемся, ведь, нам же, дискомфортно
Да, дьявол заставляет нас грешить
Но нам так нравится вращаться в его власти...»³*

---

³ Massive Attack, вокал: Хоуп Сандовал (песня – «Paradise Circus», альбом – «Heligoland», 2010)(оригинальный текст)***«It's unfortunate that when we feel a stormWe can roll ourselves over 'cause we're uncomfortableOh well the devil makes us sinBut we like it when we're spinning in his grin»

3

Слава обожал свою машину. Он обожал ее за то, за что мужчины обожают женщин. Она возвращала ему уверенность в себе и гарантировала отдых, даже, после самого утомительного дня. Она была неотъемлемой его частью, его сямской сестрой. Она позволяла ему все и прощала ему все его ошибки. Вот и на этот раз, она успокаивающе заурчала, слегка приглушив стук своих шестнадцати клапанов, немного усилила громкость в динамиках, заполнив салон, уютными ритмами блюза, смешав их со сладким дымом от Славинной сигареты и, проворной рысью, сорвалась со своего места, нырнув в городской поток.

Слава любил скорость. Он гонял по городу даже тогда, когда не нужно было никуда торопиться. Конечно же, он не был гонщиком, стремящимся, во что бы то ни стало, захватить безраздельное лидерство на дороге. По мере возможности, стараясь уважительно относиться к разумной части стремительных водителей, он с удовольствием приглашал их в свою компанию, по-братски разделяя с ними проезжую часть городского трека. Он презирал безголовых гонщиков. И, каждый раз, когда на дороге, ему встречался очередной смертник, он убирал ногу с гашетки, оставляя его наедине со своим глупым, идиотским одиночеством.

Слава любил музыку. В его вкусах не было каких-то осо-

бых предпочтений. Он одинаково хорошо относился к року и не гнушался поп-музыки, он с удовольствием слушал рок-н-ролл и клубную колбасу. Он, легко, мог гонять по улицам и автострадам, под затянутые ритмы трип-хопа и мелодичное звучание джазового оркестра. Он ценил красоту музыки так же, как ценил красоту женщин.

Женщины, были его религией. Единственной честной религией, в которую он верил

Он не верил ни в справедливость, ни в честность, ни в дружбу. Ни в одно из этих вымышленных божеств. Ни в одно, что знаете вы. Правда, он встречал немногочисленных сектантов, пытающихся обратить его в свою религию. Они утверждали, что где-то там, в их Мире, дружба существует. Однажды, он, даже, поддался на их увещевания. Он посещал все их собрания, выучил все их псалмы и молитвы, танцевал под благодные песнопения, восхваляя их Бога – Харе Дружбу. В общем, искренне поверил в его существование, попытался стать ортодоксом. Вот, откуда он знал цену вступления в их братство. Вот, откуда узнал цену посвящения и поддержания в себе веры. Он так и не стал ее последователем. Просто ушел. После того, как понял, что, выход из этой секты, стоит в разы дешевле, чем вход.

Впрочем, как и все, он был слегка суеверным.

Он верил в существование неких сил, которые его охра-

няли и приносили ему успех. И, хотя, он не мог похвастать особыми успехами, он, однозначно, признавал существование некой ЕГО судьбы, помогавшей ему выживать, в пожирающем души, кишашем ползучими гадами, мегаполисе.

Слава не знал, где точно живут большекрылые ангелы, оберегающие его никчемную жизнь несостоявшегося писателя, но интуитивно чувствовал их присутствие у себя за спиной. Одним из таких мест, где, по его мнению, ангелы его точно слышали, была выпуклая крышка дорожного люка, лежавшая посреди одного из сотен проспектов города. Каждый раз, подъезжая к заветному люку, он выключал музыку и перестраивался в левый ряд. Проезжая по горбатой крышке левым колесом, заглядывал в зеркало заднего вида. Победно вскидывая пальцы правой руки, он приветствовал своего ангела, произнося что-то, типа: «Все будет хорошо. Сегодня у нас с тобой будет удачный день». И, день действительно оказывался удачным. Всегда. Даже тогда, когда казалось, что предпосылок для успеха, не было. Абсолютно никаких.

Перестроившись в левый ряд, Слава выключил радио и, привычно для себя, заглянул в зеркало заднего вида. «Все будет хорошо», – произнес он, и вспомнил о своем телефоне, лежавший на пассажирском сиденье. Он взял его в руку и, продолжая движение, набрал номер Маши.

– Привет, дорогая... Я сегодня совершенно свободен и готов тебя забрать... Да неважно... Куда-нибудь, где мы мог-

ли бы спокойно пообедать... Нет, просто голоден... Да не вру я... Ладно, давай я тебя где-нибудь подхвачу и за обедом все тебе расскажу... Давай... Договорились. Я буду там через семь минут... Плевать. Прогуляюсь по парку, или посижу в машине... Не торопись. Просто позвони, когда будешь готова... Хорошо. Пока.

Он бросил трубку на прежнее место и улыбнулся сам себе. Конечно же, ни по какому парку он бы не стал гулять в ожидании Маши. Сорок минут вне машины? Пешком? На ногах?.. Это было сродни самоубийству! Он не любил прогулки по паркам, так же, как не любил торговые центры. Он предпочитал уютное кресло своей машины парковым скамьям.

Спустя четыре минуты, он уже занимал парковочное место у небольшого сквера в центре города. Он вернул в салон музыку, слегка приглушив ее звучание, и откинул спинку сиденья. Приподняв стекло, так, чтобы через него нельзя было просунуть запястье, он закрыл глаза и, подложив правую руку под голову, откинувшись на спинку, стал ждать. Он, вдруг, почувствовал легкое волнение. Оно неожиданно подкатило к его груди. Такое же волнение он испытывал каждый раз, когда шел по перрону, провожая, кого-нибудь из близких ему людей, в дорогу. Но, к этому волнению добавилось чувство тревоги, как тогда, в юности перед сдачей экзамена в институте. Чувство, с которым хотелось побыстрее расстаться, «отстрелявшись» в первых рядах экзаменующихся студентов. Он открыл глаза и посмотрел на бортовые часы.

До встречи с Машей оставалось еще минут сорок – сорок пять. Так и не переборов свое новое чувство волнительной тревоги, он снова закрыл глаза, пытаясь прислушаться к словам льющейся откуда-то сверху песни...

«...*Когда тебе грустно, к кому еще ты идешь...?*»⁴, – звучала чудесная Нора Джонс.

---

⁴ Norah Jones (песня «What am I to you», альбом «Feels like Home», 2004)(оригинальный текст) *** «When you're feeling low Towhom else do you go»

– Мы говорим с Вами, уже целую вечность, а я до сих пор не знаю Вашего имени...

Он сделал паузу и дождался ответа.

– Маша, – она мило улыбнулась и протянула ему руку.

Слава аккуратно пожал предложенную ему женскую ручку, коснувшись только ее пальцев, будто боялся повредить хрупкий хрусталь их кожи. Ее приветственный жест был как нельзя кстати. На ее тонких, красивых пальцах отсутствовали какие-либо признаки пребывания колец. Это подкрепило его интерес к очаровательной блондинке.

– Вам оно очень идет. Я, почему-то, ничуть не сомневался, что такой женщине, обязательно будет принадлежать такое же, как и она сама, чудесное имя, – похвалил ее Слава, пробудив в ней чувство кокетства, – Наверняка, я был не первым, кто Вам об этом сказал, – добавил он, для еще большей убедительности сказанных им слов, нарочито подчеркнув банальность своего комплимента, – Ваш мужчина, должно быть счастлив рядом с Вами, потому что я бы, на его месте, точно был бы счастлив...

Слава угадал. Ее мужчина, действительно, был счастливым человеком. Об этом, красноречиво говорил, ее, слегка смущенный, взгляд.

– Я подумаю, стоит ли отдавать это место Вам, – пообеща-

ла Маша и, в ее улыбке почувствовался, тот самый, сладковатый привкус надежды с легким налетом офисного флирта.

– Отлично. Я с огромным удовольствием буду ждать своей очереди. Надеюсь, она не слишком длинная, и я не выйду к тому времени на пенсию. Иначе, Вы точно потеряете интерес к моей кандидатуре.

Он тут же сделал вид, что вспомнил, зачем пришел. Давая ей немного передохнуть от шквала обрушившихся на нее комплиментов, он, как ни в чем не бывало, продолжил, взглянув на свой пропуск:

– Так куда, Вы говорите, мне нужно повернуть? – и перешел на заговорщицкий тон, – Да, пока я буду проводить эту свою встречу, а Вы, тем временем, думать над моим трудоустройством, не могли бы Вы еще немного помочь? В Вашем компьютере, наверняка же, присутствует интернет?

– Да, конечно, – подтвердила она.

– Вы не могли бы зайти в какой-нибудь поисковик и найти адрес какого-нибудь ресторана, где готовят лучший кофе в этом городе? Или, быть может, Вы сами знаете такое место? Могли бы мне его показать? Разумеется, – не давая Маше опомниться, подогревая ее интерес к своему заманчивому предложению, поспешил заверить Слава, – если Вы согласитесь проводить меня к нему, я компенсирую амортизацию Ваших чудесных туфель. Я скуплю для Вас все самые вкусные булочки и пирожные в этом ресторане и угощу Вас чашечкой кофе.

Он едва коснулся ее руки чуть выше запястья, таким образом, подтвердив серьезность своих намерений. И, со словами: «Надеюсь, Ваши начальники меня давно прокляли, и уже не ждут», оставил свою новую знакомую в просторном холле рекламного агентства.

Это была одна из многочисленных рабочих встреч в очередном рекламном агентстве, куда Слава принес материалы для обсуждения. Его друг, Борис, был глубоко уверен, что в Славе присутствовал какой-то особый талант, благодаря которому, все агентства Мира хотели заполучить именно Славу. Просто, они об этом не догадывались, но, абсолютно точно, этого хотели. Иначе бы, Борис, «никогда не предложил бы ему эту работу». Писательский талант Славы, по каким-то непонятным причинам, не производил должного впечатления на издателей, но произвел впечатление на Бориса. А кто, как не Борис, лучше всех разбирался в писательском искусстве. Вернее, даже не в искусстве, а в талантливых произведениях, вышедших из-под писательского пера его лучшего друга.

– Послушай, мне глубоко насрать на остальных и на их мнение. Они просто зажавшиеся, ленивые идиоты, ожидающие, что на них посыплется золотой дождь из очередной дешевой, сраной книжонки, очередного сраного писаки, – уверял его Борис.

При этом Славе почему-то казалось, что речь шла именно о его книге. Именно такую рецензию он и получил за свой

последний роман. «Сраная книжонка» Так, она, вроде бы, и звучала. Странно, но ни золотого дождя, ни, даже, хоть какого-то, микроскопического тиража, мир так и не увидел.

– Им не нужны таланты. Им нужен тупой пожиратель сраного мыла, жующий попкорн и чешущий свои потные яйца из-за отсутствия головы, – распалялся Борис. – Да если ты, не дай господь, принесешь в издательство рукопись «Мастера и Маргариты», она, тут же, полетит в чертову помойку, потому что им нужны только сиськи, наркотики и еще, черт знает, что там им еще нужно.

– Но в «Мастере и Маргарите» есть сиськи, – спокойно возразил Слава.

– Ну, хорошо, послушай, тебе нужны эти чертовы деньги? – не унимался Борис, – А в этом рекламном бизнесе их больше, чем во всех издательствах вместе взятых. Больше, чем могут заработать все твои написанные и еще...

– Ненаписанные, – помог ему Слава.

– И ненаписанные тоже, – ухватился за его подсказку Борис и продолжил свой захватывающий монолог, – Их столько, что хватит для того, чтобы выложить из них новую пирамиду Хеопса! Ну, так пойд и заставь этих профанов выложить эту самую пирамиду на нашей с тобой лужайке. Я знаю, что говорю, потому что я единственный, кто читал твою книгу.

Слава не выдержал и расхохотался:

– Вот именно! Ты был единственным моим читателем. Я,

Боря, гребаный, любимый писатель, единственного, сраного читателя!

– Слав, ну давай обойдемся без этой твоей идиотской драматургии. Ты оденешься и пойдешь на эту встречу, потому что я так сказал. Потому что я чувствую запах этих гребаных денег. А если я чувствую запах денег, ты знаешь, я не отпущу твою задницу, как бы тебе этого не хотелось.

– Только не трогай мою задницу, Боря. У тебя есть красавица жена.

Слава ловко увернулся, от уже было схватившей его за ягодицу, руки Бориса, отчего чуть не выронил нож, которым все это время, не прекращая слушать доводы Бориса, аккуратно размазывал паштет по слегка подсохшим тостам.

– И вообще, я бы на твоём месте, не будил спящего во мне гомосексуалиста, – продолжал Слава, откусывая кусок от приготовленного им бутерброда, – Во сколько мне нужно быть на этой встрече?..

Маша ждала его в холле, куда его вернул просторный стеклянный лифт.

– Ну что, Вам удалось для меня что-нибудь найти? – поспешил он с вопросом, застегивая на ходу пиджак, придавая своему вопросу больше деловитости, чем заинтересованности.

– Да, – коротко ответила Маша и, улыбаясь, протянула ему розовый стикер.

Аккуратным, красивым почерком, на стикере был выве-

ден адрес и название ресторана. А ниже, той же рукой, было написано «Я освобожусь в 17.00».

Слава очнулся от того, что кто-то усердно тарабанил пальцами по стеклу. Открыв глаза, он увидел Машу, разглядывавшую его сонное лицо. «Машка, привет», – улыбаясь, произнес он, и стикер покинул его воображение, оставив вместо себя, маячащий перед глазами, розовый след. Вместо того чтобы выйти, Слава потянулся к кнопке блокировки дверей и кивком головы пригласил Машу в машину.

Она укоризненно улыбнулась и осуждающе покачала головой. Обогнув автомобиль, она открыла дверь и села на пассажирское сиденье. Вручив Славе его телефон, она поправила выбившуюся из прически прядь волос и наклонилась, подставив губы для поцелуя. Маша выглядела превосходно. Ее, почти прозрачная, белая блузка, едва скрывала ее белоснежные ангельские крылья, ажурными кружевами обхватывающие ее грудь. Взгляд Славы нырнул в открытое декольте, вынырнул из ароматной ложбинки, обогнул волну ключиц, взмыл вверх вдоль гладкой шеи и остановился у мочки ее уха. Маша почти не изменилась с той первой их встречи в холле ее агентства. Разве что только, стала выглядеть немного счастливей. Это угадывалось в ее глазах. В них появились уверенность, спокойствие и еще большая глубина. А, в ее улыбке, чувствовалось больше искренности и открытости. Слава развернулся к ней и, окончательно выпустив ру-

левое колесо из своей левой руки, подхватил ею, ее правую руку, нежно сжав в своих пальцах. Он вобрал в себя ее теплые губы и, прикрыв глаза, завис почти на минуту. Словно проверяя свои ощущения, он старался не шевелиться, наслаждаться каждым мгновением, каждым оттенком ее запахов, каждой частичкой шелковой кожи. Он тихо и протяжно замычал, так долго, насколько хватило выдоха и, с большой неохотой, вернулся в свое кресло.

– Привет, – негромко, чтобы не спугнуть нежность, попробовал произнести Слава.

– Ты сегодня какой-то чудной, – прищурившись, слегка наклонив голову, выдвинула свою версию Маша, сыграв коротенькую роль обворожительной контрразведчицы.

– Куда едем, Кэп? – окончательно вернув себе дар речи, громко, стараясь ничем себя не выдать, сыграл Слава.

– Кто из нас водитель? – Маша слегка пожала плечами и вернулась в уютное кресло.

– Ну, хоть направление задай...

– Туда, – вытяну руку в направлении «вперед», весело предложила Маша.

– Как скажете, гражданин-товарищ капитан, сэр! – весело поддержал ее Слава и, переключив магнитолу в режим «радио», взял в руки штурвал.

Динамики весело запели голосом машиниста «Поезда», Патрика Монахэна, повышая и без того, прекрасное настроение пассажиров:

*«Дорога указывала мне направление.
Моя жизнь – всего лишь сон.
Я был подстрелен твоей любовью.
Мой ангел в голубых джинсах...»⁵*

Их машина медленно отползла от бордюра, убедилась, что ей никто не мешает прыгнуть, и, рыкнув от удовольствия, сорвалась с места.

---

⁵ «Train» (вокал – Patrick Monahan, песня – «Angel in Blue Jeans», альбом – «Bulletproof Picasso», 2014)(оригинальный текст) ***«...Like a highway headed my wayLife is but a dreamI was shot down by your loveMyangel in blue jeans...»

Они остановились на перекрестке, в среднем ряду, чуть дальше «стоп-линии».

Чтобы было удобнее следить за светофором, Слава слегка подался вперед, вытянув шею. Он сидел и рассматривал шагающих по «зебре» пешеходов, усатого водителя соседней машины, трамвайные провода, сидящих на них птиц, и стройный ряд домов, греющихся в лучах послеобеденного солнца. Желтые, серые, зеленые... Одни из них, выглядели величественно, другие, несуразные и маленькие, расталкивая старших братьев, втискиваясь между их могучими плечами, рвались занять парадную шеренгу. И все эти каменные исполины, подобрав животы, с важностью пропускали снующих по тротуару людей, потом, вдруг, глотали их, выхватывая из живой реки по одному, и выплевывали из себя целыми группами.

– Давай зайдем в наш ресторан и закажем по чашечке того чудесного кофе, – предложил Слава и, не дожидаясь ответа, стал перестраиваться в правый ряд, заставив нервничать усатого гражданина, сидящего в черном Lexus.

– Соскучился по той, вульгарно покрашенной официанточке, бесовестно строившей тебе свои маленькие, наглые глазки-бусинки? – пошутила Маша.

– Ну, во-первых, тот персонал уже давно вышел на пен-

сию, и эта наглая официанточка, с выпуклыми бусинками-сисечками, – передразнил ее Слава, – далеко не моя. Сейчас, она, скорее всего, готовит сэндвичи двоим рыжим обормотам. Чтобы завтра, им было, что сожрать на школьной перемене. А, во-вторых, ты сама выбрала тот ресторан...

– Ну, во-первых, – поддержала его саркастичный тон Маша, – я тогда просто выбрала первую попавшуюся, находящуюся неподалеку забегаловку, в которой варили кофе. И мне, сколько бы я не ходила в нее без тебя, никто раньше, почему-то, глазки не строил. А во-вторых, откуда ты знаешь о существовании рыжих обормотов?

– Она мне каждый год их фотографии присылает, – составил Слава, отвлекшись от дороги.

– Я бы несколько не удивилась. Бедные мальчики. Надеюсь, что они больше похожи на свою мать, – бросив на Славу оценивающий взгляд, шутила Маша.

– Думаешь, им бы больше пошла мамина грудь? – рассмеялся Слава и чуть не пропустил поворот на парковку.

Слава перестал двигать по столу салфетку. Вынув из подставки зубочистку, он сорвал с нее упаковку и все это бросил в пепельницу.

– Маша, – положив руки на стол, бодрым голосом начал Слава, – знаете, я придумал.

– И что же Вы придумали? – она отвела взгляд от меню и заинтригованно прищурилась.

– Я придумал. Мы заключим с Вами небольшую сделку, – растопылив пальцы, сообщил Слава, – Правда, есть одно небольшое «но». Ваша часть сделки слегка сложнее моей. Но, мы проведем настоящие переговоры, обсудим все нюансы, и, может быть, дадим мне чуть большую общественную нагрузку.

– Я думала Вы намного решительнее, Слава, – рассмеялась Маша, – по крайней мере, в офисе, да и в машине, Вы были намного разговорчивее. Давайте, выкладывайте уже свою сделку на рассмотрение высочайшего суда.

– Моя нерешительность... Я просто хотел Вас подготовить. Только и всего. Во избежание обмороков и приступов истерии. Я, конечно, похож на злодея, замышляющего что-то недоброе, но я не мог вот так сразу, без предупреждения, выстрелить в это хорошенькое сердце, – Слава приподнял свои растопыренные пальцы над столом, указывая ими в ее

солнечное сплетение.

– Вы уже выстрелили. И это хорошенькое сердце с нетерпением ждет продолжения, – Маша снова рассмеялась и положила свою правую ладонь на грудь, в область, где предположительно, билось ее сердце.

– Итак. Вы, Мария, пообещаете мне, что, ежедневно, будете выпивать по чашечке кофе в моей компании, а я... – он сделал акцент на второй части своей сделки, слегка повысив тон, – ...все это время, пока вы пьете свой кофе и едите вкусные булочки, буду расточать Вам комплименты. Ну, и, само собой, восхищаться Вашим волшебным сердцем.

– Ищете легкие пути?! – утвердительно кивнув, рассмеялась Маша и, опираясь подбородком на ладонь, внимательно посмотрела на Славу.

– Наоборот. Усложняю себе задачу, – с серьезным видом, ответил Слава, – Думаете, это так легко, подобрать нужные слова, чтобы описать его красоту? – усмехнувшись и описав глазами воображаемый круг, он продолжил, – я имею в виду красоту Вашего сердца, конечно.

– Я согласна, – откинувшись на спинку стула, неожиданно согласилась Маша. – Начинайте.

– Хотите ознакомиться с нашим меню? – вежливо спросил мужчина-официант, подошедший к их столику.

– Принесите, пожалуйста, два кофе, – попросил Слава. – Да, и меню тоже принесите, – подумав, добавил он.

– Ну вот, я же говорил, что они уже все вышли на пенсию, – обратился он к Маше, – по крайней мере, раздражающих тебя бусинок на горизонте не видно.

– Думаю, что этот факт обрадовал только меня, – улыбнулась она.

– Ну, вот это не правда. Я рад этому не меньше тебя. Поэтому что мне никто не будет мешать, наслаждаться твоей, – и он покрутил головой, имитируя головокружение, – головокружительной улыбкой.

– Ты все еще помнишь о нашей с тобой сделке? Забудь, – она бросила в него свернутый трубочкой флаер, – Я снимаю с тебя это заклятие!

– Нет, нет! Никаких дурацких сделок, – возразил Слава, – Ты, правда, удивительно красива. Особенно, когда вот так улыбаешься. О чем я думал, когда встретил тебя? Сейчас бы жил своей дурацкой холостяцкой жизнью, последнее время, ставшей практически невыносимой. Или растил бы двух рыжих заморышей вместе с женщиной-бусинкой...

– Ну, насколько я помню, ты и сейчас не женат. Какая-то

нестыковочка... Ты не находишь? Да, и зная тебя, поверить в невыносимость и ужасающую трагичность твоего положения я бы не смогла, даже если бы... — она оглянулась, как будто кого-то искала, — ...даже если бы посреди этого зала грянул гром и засверкали молнии, и верхом на метле вылетела бы наша официанточка. Ты ведь неспроста затащил меня в это кафе... — продолжала веселиться Маша. — Колись. Что ты снова придумал?

— Маш, я хочу жениться, — стараясь быть серьезным, ответил Слава. — И я чувствую, что сейчас наступил тот самый момент.

— И кто она, эта дурочка? Очередная наивная студенточка или прыщавая операционисточка из окошка коммунальных платежей? — язвила Маша, пододвигая к себе принесенный официантом кофе.

— Это не дурочка, как ты ее назвала, а умничка. И она — это любовь всей моей жизни, между прочим. Она лучшее, что произошло со мной за последнее время. И она сейчас сидит на твоём месте, смотрит на меня и издевается надо мной, делая вид, что не понимает, о ком я говорю, — Слава потянулся через стол так, чтобы достать до её рук и взял их в свои ладони, — Это ты, Маш. И я не сойду с этого места, пока ты не скажешь этому идиоту, достоин ли он, быть с тобой, на всю оставшуюся... Прости. Я не успел подготовить речь. Я даже не купил полагающееся для таких случаев кольцо... Но, его уже выковывают волшебные гномы в своей

гномьей пещерке. И закрепляют на нем огромный, сверкающий бриллиант.

– Слав, я не смогу сказать тебе, «да», – ответила Маша, изобразив легкую обиду на лице. – А, вдруг эти твои гномы что-нибудь испортят?

– Обещаю за ними проследить! – заверил Слава и, чуть тверже сжав ее запястья, утвердительно кивнул. – Ну, ты же не убьешь меня своим отказом? Ты же не совершишь убийство на глазах у этой парочки, которая уже двадцать минут пялится в нашу сторону? – он кивнул в сторону соседнего столика, – Они будут свидетельствовать в мою пользу.

Не высвобождая своих рук из Славиных ладоней, Маша подтянулась к нему и, встретившись с ним глазами, снисходительно улыбаясь, поцеловала.

– Пожалуй, сегодня в этом ресторане никто не умрет, – пообещала она, касаясь его губ.

Неожиданно зазвонил Славин телефон. Извиваясь, как уж на сковородке, он раздражительно завибрировал. Слава накрыл его ладонью.

– Тебе звонят, – попыталась проговорить Маша, насколько ей позволяли плотно прижатые губы Славы.

Он разочарованно вздохнул, прервав поцелуй, позволив, таким образом, Маше сесть на свое место. Разозлившись на продолжавший трезвонить телефон, он резко поднял его и грубо пробурчал, поднеся его к уху:

– Ну чего ты звонишь? Ты же мне всю рыбу распугал! – го-

ворил Слава, не отрывая взгляд от кокетливой Маши, строящей ему смешные рожицы, — ...Ничего я не сделал. Просто решил угостить Машу кофе... Я имею право не отчитываться перед тобой о своей сексуальной жизни...? И что с того, что у них самолет...? А у меня на столе стынет кофе... Ну, я за них рад. Борь, ты мне еще в пятницу говорил, что до завтра у нас нет планов... Что? А то, что сегодня воскресенье, Боря! У нормальных людей сегодня выходной... Да ничего, Борь! Я просто положу трубку, а ты, сначала принесешь мои соболезнования своим партнерам, а потом проводишь их к самолету. Можешь даже всплакнуть у них на груди. Все... Давай... Я понял... Бо-о-о-орь, пока-а-а!

Он положил мобильник на стол и, извиняясь, посмотрел на улыбающуюся Машку.

— Не оправдывайся, — она жестом остановила возражения Славы, — Тем более что кофе мы уже допили, а есть я ничего не хочу. Я знаю, как тебе нужен этот проект. Будет глупо его потерять из-за пары романтических фраз, которые ты можешь сказать мне и по дороге.

— Да в том-то и дело, что мне не по дороге. Он просит меня заехать к нему, — Слава указал рукой в сторону воображаемого Бориса, — потому что он поставил свою машину на ремонт, а я, видите ли, как раз тот самый придурок, который должен спасти его задницу.

— Езжай, — она накрыла его руку своей, в знак того, что она ничуть не сердится. — Я найду, как убить время. Прошвыр-

нужь по магазинам. Заодно, загляну к фее-крестной и узнаю, нет ли у нее для меня подходящего платья. Ты же не хочешь, чтобы твоя невеста вышла к алтарю в халате, выпачканном сажеей?

– А что? Выглядит вполне романтично. Свадьба свинарки и пастуха, – пошутил Слава и, потянувшись к бумажнику, продолжил, – может быть... пошел он в задницу, этот Боря?

– Поехали, – приподнявшись со своего места, повторила Маша, – все нормально. Просто передай этому говнюку, что я его очень люблю. И поцелуй его за меня.

– Непременно! В его пухлые чувственные губы, – рассмеялся Слава, изобразив чувственный поцелуй.

Они вышли из ресторана и остановились на тротуаре. Их расставание было недолгим. Слава еще раз поцеловал Машу и еще раз предложил ей вернуться и продолжить ужин. Она усмехнулась и, повернувшись, попыталась вырваться из сдерживающих ее рук Славы. Он выпустил ее, неохотно разжав ладони и, провожая ее взглядом, прокричал ей вслед:

– Маш, ты знаешь, я тебе не говорил, потому что это была наша с ним тайна, но этот чертов педик, хватал меня за задницу.

– Я знаю! – обернувшись, прокричала Маша и рассмеялась. – Я не ревную!

Дверь квартиры была не заперта. Постучавшись, как это было положено по этикету, Слава, не дожидаясь ответа, вошел и сразу же проследовал на кухню. Открыв холодильник в поисках чего-нибудь съестного, он обнаружил несколько кастрюль, не начатый батон колбасы и тарелку с нарезанным сыром.

– Есть, кто живой? – прокричал Слава внутрь холодильника. – А то я начинаю звонить в 911.

Слава положил на язык кусочек сыра и взял с дверцы холодильника банку «кока-колы». Обернувшись и закрыв ногой дверцу холодильника, он встретился взглядом с хозяином квартиры.

– Ты представляешь, эти чертовы механики, позвонили мне и сказали, что машину они отдадут в лучшем случае послезавтра. Якобы, полетел термостат, а новый нужно ждать, – застегивая на животе рубашку, сообщил Борис и, ухмыльнувшись, продолжил, – так что, ты, на эти два дня, станешь моим личным шофером.

– Такси, Боря... На дворе двадцать первый Век, Борис, – возразил Слава и открыл шипящий напиток, – Я тебя научу. Берешь телефончик....

– Меня в такси укачивает, – парировал друг. – Ты долго еще будешь паясничать? Допивай свою газировку, и поеха-

ли. Нас ждут.

– Боря, только давай договоримся, что говорить будешь ты. Я не взял никаких материалов, и буду выглядеть идиотом. Так мы точно ничего не заключим. А твои качества говоруна, хоть как-то, спасут эту идиотскую ситуацию, – говорил Слава, провожая друга в ванную комнату. – Ты, вообще, не мог дождаться завтрашнего утра?

– Какого утра, Слава? – спрашивал Борис, следуя из ванной в прихожую, – Или сейчас или никогда. Думаешь, что мы с тобой одни такие на всем белом свете? Два гения, отбивающиеся от роя назойливых рекламщиков, жаждущих заполучить наш контракт? Да завтра, мы с тобой, проснемся нищими, если ты профукаешь эти переговоры. Так что готовься. Вспоминай все, что ты писал на бумаге. Между прочим, это только благодаря тебе, меня согласились принять сегодня.

– Мне? – удивился Слава, стоя в дверном проеме, – Да я даже эскизов никому не показывал! И вообще, хватит возиться с этим чертовым галстуком. Так мы вообще никуда не попадем. И тогда я тебе точно не прощу того, что ты вероломно прервал мое супер-свидание.

– Вот же засранец! – бросив вязать галстучный узел, воскликнул Боря. – Ты, все-таки, сделал ей предложение?! Ну, ты мужи-и-ик! – он обнял Славу так, будто они не виделись целую вечность. Так, что Слава чуть не выплеснул «кока-колу» на спину Борису, – Я знал! Знал, что не зря заплатил этой гадалке!

– Не обольщайся, – освободившись от объятий и завязывая многотрадальный узел на Борином галстуке, ответил Слава, – Она совершенно не при чем. Просто, я созрел, как раз в этот самый момент. Просто решил, что, если я не женюсь на Машке, мне придется жениться на старом педике, распускающем свои жирные руки.

– А что? Ну, разве мы не смотримся, как идеальная супружеская пара? – рассмеялся Борис, заглядывая в большое квадратное зеркало, висевшее слева от них.

– И думать забудь! – строго произнес Слава, покончив возиться с узлом и, указав Боре на входную дверь,скомандовал, – На выход, мой педерастический друг!

– Так что там насчет меня? – спросил Слава, дождавшись Бориса, окончательно усевшегося в автомобиль.

– А что насчет тебя? – не понял вопроса Борис.

– Ну, в квартире, ты сказал, что эта встреча состоялась благодаря мне... – выруливая со двора, продолжал Слава, – Что сие означает? Только не тупи, Боря. Я не люблю сюрпризов. Ты же знаешь.

– Угадай, кто возглавляет коллегию? – попробовал намекнуть Борис и, сам же, продолжил, – Нет мыслей? Ма... й...

– Майя? – взорвался Слава и резко нажал на педаль тормоза.

Машина чуть кивнула носом и, непослушно проскользнув по асфальту с небольшим заносом, мягко остановилась. Борис лишь слегка качнул головой.

– Борь, ну ты не дурак? – резко повернувшись к опешившему приятелю, негодовал Слава, – Ты же прекрасно знаешь, как мы с ней последний раз расстались! Ты специально устроил мне эту встречу, как раз тогда, когда я женюсь на Машке?

– А что я такого сделал? – опомнился Борис, – Она сама предложила мне эту встречу, когда узнала, кто автор идеи. Да она уже все забыла. Ну, то, что там у вас с ней случилось... Прошло же черт знает сколько времени. Да и что я

ей должен был сказать? «Извините, мадам, мы не можем заключить контракт с Вашим агентством, потому что мой друг осел»?

– Ну, спасибо тебе, друг... – произнес Слава с глубоким разочарованием в голосе, – ...я просто вне себя от счастья!

Он попрыгал на сиденье, эмитируя необычайное счастье.

– Да что, в конце концов, произошло? – спокойно возразил Борис, – В любом случае, хотел бы ты этого или нет, ты бы с ней встретился. Не сегодня, так завтра. Никто же не заставляет тебя на ней жениться, или заниматься с ней сексом. Тем более что она через три часа улетает в Малайзию на какие-то там съемки. Ну, улыбнешься ей пару раз, ну подмигнешь, намекая, что помнишь, как вам было хорошо... И мы с тобой в дамках! Контракт наш! Ты пойми, – не унимался Борис, – у нас все козыри на руках. Одна твоя улыбка и мы в шоколаде. Конкуренты нервно курят в сторонке. Ты, возвращаясь к своей Машке... Не знаю, там... Женишься, или просто водишь ее по «Дисней Лэнду», надуваешь шары... Ты счастлив! У тебя есть бабки, а у Майи есть сценарий! Как только мы подпишем бумаги, ты устраняешься, а всю техническую часть, по отслеживанию дальнейшей жизни проекта, и доведению наших денег до окошка Банка, я беру на себя...

– Чертовы гномы в гребаных гномьих пещерках, – сдался Слава, отчаянно стукнув обеими руками по рулевому колесу, – если бы не они, черт бы их побрал, шли бы вы сей-

час со своей Майей куда подальше, Боря! Благодарю этих маленьких засранцев!

– Кого? – удивился Борис.

– Гномов Боря, гномов. Таких маленьких сказочных человечков, своим уродством, как две капли воды, похожих на тебя.

Не глядя на приятеля, Слава тяжело выдохнул и включил передачу, и они, продолжили свой путь в полной тишине.

Она распахнула шторы, и яркий свет полуденного солнца ударил Славе в глаза. Изящный силуэт обнаженной женщины, будто сошедшей с холста Омара Ортиза⁶, возбуждал, и возвращал в его сонное тело, потерянные за ночь силы. Майя резко обернулась и, совершив небольшой разбег, прыжком очутилась в постели, присев перед ним на коленки. Ее бледно-розовые соски щекотали воображение, пробуждая зверский аппетит.

– Ты будешь кофе или меня? – заигрывающе, покачивала бедрами Майя, стягивая с него одеяло.

Слава не успел ничего ответить. Майя уже сидела сверху. Легким нажимом на его плечо, она перевернула его на спину. Скользя вниз по его бедрам, она двумя руками обхватила его пенис и, спрятавшись за него, выглянула, игриво прищурившись. Она приоткрыла рот, коснувшись языком своей верхней губы, и сладко произнесла:

– Кажется, твоему приятелю больше нравлюсь я, чем кофе.

При слове «кофе», Слава резко потянулся к мобильнику и посмотрел на часы. Он вдруг живо представил, как буквально через два часа, сидя за столиком кафе, озира-

---

⁶ Омар Орtiz (Omar Ortiz). Мексиканский художник-гиперреалист, родился в 1977 году.

ясь по сторонам, его будет ждать Маша. Выпустив телефон из руки и, вернувшись в прежнее положение, он обнаружил суровый взгляд Майи. Раздосадованная неожиданным падением его «приятеля», она выпрямилась, собираясь соскочить с постели. Слава остановил ее, обхватив за бедра. Слегка придвинув ее к себе, он ощутил приятное тепло ее манящего, сладкого влагища. Выпускать Майю из рук совсем не хотелось, но стремительно убегаящие минуты заставляли его... Они заставляли его врать. Конечно же, против его воли.

– У меня через два часа встреча, – сообщил Слава, почувствовав, как остывает под пальцами кожа ее бедер, – мне очень нужно быть. Я обещал Борису, что заменю его на этой встрече...

– Да мне пофиг, – произнесла рассерженная Майя.

Резко отбросив Славины руки, она соскочила с кровати и схватила свои кружевные трусики. Держа их на вытянутой руке, словно целясь ему в грудь, она сделала шаг к кровати и, саркастично ухмыльнувшись, спросила:

– Ты думаешь, я такая дура? Думаешь, меня можно кормить Борисами каждый раз, когда тебе нужно встретиться с очередной идиоткой, типа меня?

– Ну, хочешь, позвони Боре... Позвони. И он тебе скажет, что у меня встреча и там не будет никаких идиотов. Там будет куча идиотов, одетых, как одевают пингвинов в зоопарке. Они будут плевать моими сценами, будут галдеть на своем

пингвиньем языке, делая больно моему мозжечку, – не вставая с постели, разведя руками, оправдывался Слава.

Он убеждал ее, прекрасно осознавая, что, во-первых, ему не поверили, а во-вторых, она никуда не будет звонить, потому что (смотри пункт первый), ему ни на грамм не поверили.

– Слав, может быть ты не в курсе, но я сама работаю в агентстве, – она резко рванула юбку и на пол упали все Славины вещи, – в крупнейшем агентстве, дорогой. И я отлично осведомлена, над чем работают другие агентства. И, больше того, мой милый врунишка, у твоего Бориса сейчас нет никаких новых контрактов, потому что у тебя, милый... – она повторила слово «милый», чтобы подчеркнуть ничтожность его положения, – ...нет никакого сценария! Иначе, я бы еще вчера знала бы о его существовании. Кстати, от твоего же идиотского дружка Бори. От него самого. Вот, Слав, ЭТО, во-первых! А, во-вторых... Во-вторых, идите-ка вы оба к черту, лживые дегенераты, не способные даже как следует вставить женщине, не говоря уже о написании, хоть какого-то, интересного сценария.

– Согласен! – решив отшутиться, произнес Слава, – Но, только в части сценариев! А, вот по поводу «вставить»... Вот тут, я бы не был настолько категоричен...

– Иди ты в жопу, Слава! – бросив в сумочку свой телефон, ответила Майя, просверливая его уничижительным взглядом, – Ты думаешь, что ты один такой вставляльщик?

Она сделала паузу и посмотрела на растерянного, распла-

ставшегося на кровати Славу. Не дождавшись от него никакой реакции, кроме невнятных морганий веками, она поправила спадающие на плечи, свои красивые, прямые, черные волосы и добавила:

– Я спала с тобой, потому что у тебя есть душа. Та часть твоего члена, которой не хватает большинству мужиков. Но ты не сумел по достоинству оценить то, чем тебя наделил создатель. Ты облажался, Слав.

Она повернулась и, выходя из спальни, бросила:

– И не звони мне. Не хочу даже знать о твоём существовании!

В ответ, Слава только пожал плечами. Ему не оставалось ничего, кроме того, чтобы согласиться:

– Я постараюсь! – крикнул он и, потеряв ладонями глаза, сложил руки домиком у своих губ.

– Скотина! – донеслось откуда-то из прихожей.

Выходя, Майя громко хлопнула дверью, и растворилась за ней, на долгие два года.

Они быстро вбежали вверх по полированным ступеням большого стеклянного здания и, преодолев просторный холл, подбежали к стойке «ресепшн». Славу с Борисом, встретила улыбчивая брюнеточка с обширным бюстом и низким IQ.

– Вы опоздали. Рабочий день закончился и все уже ушли, – нарочито вежливо, улыбнулась амеба обыкновенная.

– Начальники не опаздывают. Они задерживаются, девушка, – в свойственной ему манере, тут же осадил ее Борис, – Мы, Ваше новое начальство, милочка, – продолжал он, глядя на испуганное лицо брюнетки, – но об этом, Вы узнаете завтра. А сейчас, Вы свяжетесь Майей Игоревной и сообщите ей, что прибыл Борис Валерьевич.

Полногрудая брюнетка подняла трубку селектора и тихо проговорила:

– Майя Игоревна?.. Тут, в холле Борис Валерьевич. Мне его проводить к Вам?.. Я поняла, Майя Игоревна.

Аккуратно вернув трубку на место, девушка, приятно улыбнулась и, смягчив тон до лебезящего, предложила:

– Я Вас провожу, Борис Валерьевич и Вас... – она запнулась, вспомнив, что Слава ей не представился.

– Семен Багратионович, – чтобы не смущать девушку, вы-

палил Слава и коротко поклонился.

– ...Семен Багратионович, – повторила за ним брюнетка.

Втроем, они проследовали к лифту и, войдя в железную коробку, рассредоточились по стенам. Брюнеточка нажала кнопку с цифрой «10» и лифт неслышно взмыл вверх. На десятом этаже, брюнетка вышла первой. Направившись вглубь длинного, пустынного коридора, она возглавила процессию, предоставив мужчинам возможность насладиться ее округлыми бедрами, обтянутыми короткой юбкой. Ее подтянутые, упругие икры, вызывали у Бориса повышенное слюноотделение. Усмехнувшись, Слава стукнул его в плечо, отчего Боря пришел в некоторое негодование. Угрожая беззвучно смеющемуся Славе кулаком, он произнес беззвучную угрозу и покрутил пальцем у виска. Брюнетка, вынужденно выслушала мужскую возню за своей спиной и, резко остановилась у двери конференц-зала. Кивком головы, она попросила их обоих подождать.

– Майя Игоревна, – послышался голос брюнетки за прикрывшейся за ней дверью, – к Вам Борис Валерьевич и Семен Багратионович. Пригласить?

– Пригласите Бориса Валерьевича, а Семен Багратионович пусть подождет... – в голосе Майи улавливались нотки издевки, – ...хотя, нет, пускай зайдут оба.

Дверь в зал приоткрылась, и брюнетка попросила их войти.

– Мы Вас уже ждали, Семен... как Вас там, Баграти-

онович? – усмехнулась, стоявшая посреди зала, обворожительная Майя, и обернулась, в поиске поддержки своих слов, у сидевших за столом трех джентльменов-пингвинов.

– Можно просто Вячеслав, – ответил Слава, заметивший нарастающий пингвиний интерес к своей персоне, – а это Борис Валерьевич, – представил он своего друга, – мой агент, профессор, доктор всевозможных наук, лауреат трех Пулитцеровской премий.

– Пожалуй, мы не станем отступать от этикета, и я буду обращаться к Вам в соответствии с правилами, принятыми в этом обществе, Семен Багратионович, – улыбнулась Майя и попросила их с Борей занять свои места, огласив им настоящие имена белогрудых животных.

– Итак, Борис Валерьевич, мы готовы Вас выслушать. Времени у Вас, на все про все, ровно двадцать минут. Увы, мы вынуждены торопиться в аэропорт.

Майя обращалась к Борису, но Слава прекрасно понимал, что она говорит с ним. «Она готовилась. Это было видно... – глядя на нее, думал Слава, – ...Ее волосы... От них еще пахло салонным выпрямителем волос. А ее макияж... Она никогда так сильно не подчеркивала глаза. Ну, да, конечно, с того самого дня пролетело черт знает сколько месяцев, недель, дней. И, наверняка, ее новая должность обязывала ее выглядеть так – подчеркнуто деловой, идеально одетой, ухоженной... Но сегодня, она должна была быть еще „круче“. Сегодня, она просто обязана была, быть сногшибательной!»

– Вы должны были предоставить материалы для цикла рекламных продуктов одного из наших крупных заказчиков, – обращаясь к Борису, деловито произнесла Майя, по всей видимости, скрывая свою ангажированность от трех деловых мужчин в одинаковых костюмах. – Мы готовы рассмотреть Ваше предложение. Однако, одним из условий нашей компании, является полнейшая и безоговорочная эксклюзивность прав на обладание авторской идеей, независимо от того, является ли автор штатным сотрудником компании или нет...

– Мы с Вами уже обсуждали эту проблему по телефону, Майя Игоревна, – улыбчиво произнес Борис, рассматривая внимательных мужчин, – так что с этой частью у нас проблем не возникнет.

– Прекрасно, – ответила Майя, что-то помечая в своем ежедневнике, – тогда позвольте мне задать второй вопрос, уважаемый Борис Валерьевич. А как отреагирует Ваше руководство, узнав о том, что их ведущий сотрудник, практически отдал конкурентам, в нашем лице, огромный контракт? Что будет, когда они узнают, что это он, помог нам, увести у них из-под носа кругленькую сумму зеленых бумажек?

– Мое руководство, как Вы выразились, Майя Игоревна, отклонило мой проект. Посему, я сейчас выступаю в роли, так называемого, свободного художника. И если мы с Вами сумеем договориться, я буду настаивать на том, что одним из пунктов нашего соглашения, станет включение нас... – он кивнул головой, в сторону сидящего рядом с ним Славы и,

с невозмутимым видом, продолжил, — ...в штат вашей компании. Если же мы не договоримся, или же наше присутствие в этом зале станет предметом огласки в моей компании, то я доложу своему руководству, что успешно внедрился в высшее звено конкурирующей организации для выяснения его перспективных планов. И, даже, смог навязать заранее провальный проект, с целью заполучения их крупного клиента. В результате, ни материалов, ни клиента, Вы, господа, не получите. Ну, а мой проект получит второй шанс, но уже в стенах моего офиса. Как видите, Майя Игоревна, я заранее подготовил пути отступления.

Слава еще никогда не видел Бориса таким деловым. Ему всегда казалось, что этот милый человечек не способен к серьезным вещам. Ну да, он был ведущим специалистом, директором, возглавлял целый отдел внешних связей, целой рекламной компании. Но, Славе всегда казалось, что вечная тяга Бори к авантюрам, по типу той, что сейчас вершилась на его глазах, делала его каким-то несерьезным пустозвоном. Теперь же, он отчетливо понимал, как этот хитрый проныра мог зарабатывать деньги. Боря был настоящим хищником. С видом этакого бескорыстного простачка-кролика, умело располагал к себе людей и проглатывал, словно удав, настоящих кроликов-простаков. «Класс!» — мысленно похвалил его Слава, наблюдая за происходящим в зале.

— Ну что же, Борис Валерьевич... — подтвердила Славины догадки Майя, — ...я несколько не сомневалась в Ваших ме-

неджерских качествах. У нас осталось несколько минут, поэтому давайте перейдем к творческой части нашей с Вами сделки.

Она впервые посмотрела на Славу прямым взглядом. Он сидел с невозмутимым видом, изображая полное непонимание процесса переговоров. Даже когда Майя обратила внимание публики в его сторону, он не дрогнул и не пошевелился. «Боря меня сюда притащил, пускай Боря и отдувается», – думал про себя Слава, глядя с высоты на весь этот цирк с контрактом. Он был абсолютно уверен, что целью этого собрания был совсем не контракт. Майе были нужны не материалы, не деньги от этого проекта. Ей был нужен Слава. Этаким способ мести – абсолютное уничтожение за поруганную девичью честь. В том, что эта сделка состоится, он даже уже не сомневался. Как это произойдет? Это не имело особого значения. Боря выкрутится. На то он и Боря – высочайший профессионал своего дела.

– Я надеюсь, Майя Игоревна, Вам не нужно представлять моего напарника. Он Вам должен быть хорошо знаком по предыдущим работам... – начал выкручивался Борис.

Майя заинтересованно улыбнулась, продолжая слушать Бориса, не сводя своих изумительных глаз с бедного, непонятно как попавшего сюда, писателя.

– ...так вот, мой напарник, выступает гарантом высочайшего уровня нашего проекта. Его присутствие здесь является тому подтверждением, – продолжал лить воду Борис. –

Подробнее с материалами проекта Вы можете ознакомиться чуть позже. В виду их значительного объема и ограниченности времени на их обсуждение, они будут высланы на Вашу электронную почту...

Заметив явное неодобрительное шевеление в пингвиньем вольере, Борис тут же поспешил успокоить их негодование:

– Господа, я прошу меня извинить, но, Майя Игоревна, – Боря совершил словесный реверанс в ее сторону, – лучше, чем кто бы то ни было, знакома с Семеном... с автором. Смею Вас заверить, что мы не отняли бы ни секунды Вашего времени, если бы это было не так.

Неодобрительно прищурившись, Майя не без улыбки выслушала невнятные оправдания Бориса, и неожиданно для него самого, поддержала его, успокоив тем самым пришедших в движение пингвинов.

– Борис Валерьевич прав. Я знакома с некоторыми работами Семена Багратионовича. Конечно, я не могу сказать, что была целиком и полностью, безоговорочно... – она намеренно перебирала множество синонимов, ехидно поглядывая на Славу, – ...удовлетворена их качеством. Но, некоторые из них, были вполне профессиональными...

Опередив Бориса и остудив его, неожиданно возникший, восторженный порыв, она продолжила издеваться над Славой:

– ...ровно до того момента, как из его работ исчезла душа. В них наметился явный сдвиг в сторону коммерческой

составляющей. Возможно... – она снова остановила Бориса, слегка повысив тон, – ...за несколько последних лет его бездушной карьеры, Семен Багратионович смог вернуть себе былые легкость и талант. Возможно, он поработал над ошибками и смог написать что-то поистине гениальное, что могло бы заинтересовать... – выдержав небольшую паузу, она договорила, – ...мое агентство. Поэтому, – она обратилась к своим коллегам, – мы не станем торопиться с преждевременными выводами. Тем более что у нас с вами, будет какое-то время, на принятие окончательного решения.

Майя поднялась со своего места, выпрямилась и, опираясь обеими руками на спинку своего стула, едва прогнув спину, так, чтобы это смог заметить только Слава, подвела итог: – Мне весьма жаль, Борис Валерьевич, что мы не смогли обсудить хотя бы начальные детали вашего проекта сегодня. Отчасти, это произошло и по нашей вине, – она посмотрела на членов ее комиссии и слегка кивнула головой, – двадцать минут, это не то время, чтобы обсуждать такие крупные проекты и контракты. Я уверена, что мы еще вернемся к нашему обсуждению. Я сообщу Вам о своем возвращении. Думаю, тогда же, мы окончательно обсудим и Ваше второе предложение в части Вашего трудоустройства. Да, с нетерпением жду письма на мой e-mail. На этом прошу нас извинить.

– Что это было, Боря? – громко кричал Слава, яростно работая рулем, огибая попутные автомобили, – Какое, нахрен, трудоустройство? Ты что, не видишь, что ей глубоко плевать на тебя и мой сценарий вместе взятый?! Она жаждет только одного – раздавить меня, а заодно и тебя, при случае! Ты же ее знаешь... Быть в ее подчинении? Да я же и дня не вытерплю! Твоя афера с этим контрактом заранее провальна! Ты еще не успел заключить его, а я уже вижу, как мы летим со ступенек «Медиа Империи», получив смачные пинки под зад. Да, и потом, ты забыл? Я женюсь! Женюсь, Боря! А это значит – нет! Я не дам этой суке трахнуть мой брак и, уж тем более, трахнуть себя! Так что ищи себе другого идиота для своих делишек...

– Все? Выговорился? – перехватил инициативу Борис, – А теперь ты мне скажи, разве ты не знал об этом, когда согласился ехать со мной к Майе? Что же ты молчал там, на этой долбаной встрече? Сказал бы ей: «Извините, Майя Игоревна, меня не интересует Ваша задница, потому что у меня есть более привлекательный проект!» Молчишь? И правильно молчишь. Потому что это я рулю ситуацией, а ты нуждаешься во мне. И это моя гребанная задача, как уберечь твой член от ахрененной задницы Майи и не дать ему к ней подступиться. А твоя чертова задача, не оставаться с ней наеди-

не, пока мы не получим наши гребанные деньги. Потому что все, что я там нес, чистой воды блеф! Это я их держу за яйца, а не они меня! Благодаря тебе и, как нельзя кстати, образовавшемуся у Майи интересу к твоему творчеству, мы засунем, в их чертовы задницы, наш свернутый в трубочку сценарий, каким бы он там ни был, и подставим под них ведра для золотых монет!

Боря всегда действовал на Славу убедительно. Вот и сейчас, он одерживал верх в споре коммерческих интеллектов. Не давая Славе времени на передышку и на перегруппировку, он нанес ему нокаутирующий удар:

– Да! Потому что я думаю всегда головой, а ты своей маленькой мошонкой, которая хоть и похожа внешне на мозг, но никакого отношения к мозгу не имеет! – угадывая Славины мысли, завершил свой монолог Боря.

– Так ты использовал меня! – негодуя крикнул Слава, – Ты, черт возьми, меня тупо использовал! Ну ты и га-а-ад!

– Перестань изображать из себя девственницу, Слав. Я эксплуатирую твой талант, сколько себя помню и, до сегодняшнего дня, тебя все устраивало. А сегодня ты решил объявить профсоюзную забастовку и вернуть себе девственную плеву. Не получится, дорогой мой друг! Это бизнес. И в эту игру играем не только мы. Твоя Майя, к твоему сведенью, играет по тем же правилам. Думаешь, она чего-то не понимает? Ты недооцениваешь эту женщину. Как бы это она нас с тобой не переиграла. Но, чтобы этого не случилось, ты от-

правишь ей на e-mail все материалы и затаишься. До особых распоряжений...

– Я даже не хочу вдаваться в подробности Ваших игр, Борь. Я лишь предупреждаю тебя, что, если моей свадьбе с Машей будет что-то угрожать, я лично похороню этот твой проект! И в эту же яму, я брошу тебя вместе с твоей Майей. Без сожалений! Единственный человек, кого мне будет искренне жаль, это твоя жена, Боря. Вот кто не заслуживает такой участи, так это она. Знала бы она, с каким монстром ей приходится жить под одной крышей...

– Она знает. Стоп, стоп, стоп! Ты куда разогнался? – Боря жестом указал на свой дом, стрелой пролетевший мимо них.

Слава с силой нажал на тормоза, и машина, слегка вильнув, чуть скользнув, остановилась.

– Я с ней спать не буду, не волнуйся, – пробурчал Слава. – Хотя, если она сможет меня разубедить...

– Я бы не хотел, чтобы после моей смерти, с моей женой спал именно ты, – усмехнулся Борис, – Правда, это не самый худший вариант. По крайней мере, благодаря тебе, она очень быстро разочаруется в мужчинах.

– Я говорю о Майе. Ты прекрасно понял, что я хотел сказать, – с серьезным видом сказал Слава и, потянувшись через сидящего Бориса, открыл пассажирскую дверь. – Дойдешь пешком.

Боря усмехнулся и продолжал шутить.

– Тебе придется проехать еще пару кварталов. Иначе, со-

седи мне жизни не дадут, узнав кому этот красавчик, сделал, сейчас, минет.

– Это будет моя маленькая месть тебе, – весело рассмеялся Слава и вновь наклонился к его ногам.

– Ладно, – рассмеялся в свою очередь Боря, отталкивая Слаvinу голову, – ты мне лучше скажи, долго ты еще будешь ездить на этой лысой резине? Она дорога тебе как память? Ты же ее, наверное, ни разу не менял с тех пор, как купил машину. Может тебе денег дать? Купи себе колеса. Глупо экономить на резине, чтобы потом всю жизнь платить сиделке.

– Идея с сиделкой мне нравится...

– Ну ты дурак, Слав. Ладно, вот, возьми денег. Отдашь из своей доли, – Боря достал бумажник и вынул несколько купюр.

– Ты опять за свое? Может, хватит мне скормливать Майю моей долей, – ответил Слава и взял деньги.

– Хорошо. Не буду, – усмехнулся Борис, – только купи колеса, а не цветы для Машки. Я тебя прошу, Слав, не испытывай судьбу.

– Да понял я, понял, хренов наставник, – пытаюсь вытолкнуть Бориса из машины, отвечал Слава. – Ты случайно курсы экстрасенсорики не оканчивал?

– Оканчивал, конечно. А что? – смеялся Боря, вылезая из автомобиля.

– Ничего, – ответил Слава, опустив боковое стекло. – Передай от меня привет Маринке.

Отъезжая, он посмотрел в зеркало заднего вида и увидел там улыбающегося Борю, прощавшего с ним, поднятым вверх, средним пальцем правой руки. Слава усмехнулся и включил, все это время, молчавшую магнитоу.

«Дьявол внутри... Дьявол внутри... В каждом из нас – внутри дьявол»⁷, – ритмично запели динамики, голосом Майкла Хатченса.

---

⁷ INXS (солист Michael Hutchence, песня – «Devil Inside» альбом – «Kick», 1987)(оригинальный текст)***«...The devil insideThe devil insideEvery single one of us the devil inside»

Слава забежал в квартиру и, не разуваясь, быстрым шагом прошел в комнату. Не включая свет, он сел за стол и поднял крышку ноутбука. Заархивировав пакет необходимых документов, он вошел в свою электронную почту и принялся искать «мыло» Майи. Кликнув мышью по кнопке создания письма, он перетащил в него архив и задумался: «Написать „привет“ или не писать ничего. Отправить письмо пустым? Решит, что я ее боюсь...» Простой «привет», тоже не избавлял его от проблем. Даже наоборот. Он мог стать предлогом для ответного письма и втянуть Славу в переписку. «В конце концов, все, что бы он сейчас не написал, будет каким-то позором...» Стерев свой дурацкий «привет», он написал: «Лови материалы», вытер свою подпись, и кликнул на «отправить».

Глядя, как отправляется его архив, Слава задумался, оставив свою левую руку на клавиатуре, а правой ладонью закрыв свой горячий лоб. Письмо уже давно улетело, а он все еще сидел, уставившись в монитор. Через какое-то время, компьютер приглушил яркость экрана, а через пять минут перешел в спящий режим. Слава закрыл глаза и темнота, заполнившая его кабинет, стала совсем непроницаемой.

– Простите, Вы позволите мне вероломно ворваться в Вашу жизнь? – спросил Слава, у сидевшей за столиком кафе, обворожительной брюнетки, задумчиво наблюдавшей, за снующими за широкой витриной, муравьями-людьми.

Брюнетка оторвала взгляд от окна и повернулась, собирая по залу свои рассеянные мысли. Обведя глазами полупустое кафе, она, жестом, предложила Славе присесть напротив.

– Врывайтесь. Я заплатила только за кофе, а не за весь столик, – приятным голосом, пошутила она.

– Я бы никогда не нарушил Вашего спокойствия... Тем более что в кафе полно свободных мест... Но, у меня была на то веская причина, – пояснил Слава, присев напротив незнакомки.

– Вы шпион? – заговорщицки спросила она, сделав вид, что озирается.

– Нет, – улыбнулся Слава и чуть отпил из своей чашки. – Увы, причина гораздо прозаичнее. Я ненавижу пить кофе в одиночестве.

Опираясь подбородком на свою правую руку, брюнетка внимательно изучала своего собеседника, зависшего с чашкой крепкого кофе в руке.

– Странно. Глядя на Вас, не скажешь, что вы чего-то боитесь, – сказала она, немного прищурившись.

– Разве я сказал, что чего-то боюсь? Я сказал «ненавижу», – он улыбнулся и взглядом указал в глубину зала, – Вот, там, сидит какой-то делового вида мужик и читает газету. А вот, там, – Слава слегка обернулся назад, – поглощает сэндвич обворожительная блондинка. Поэтому, когда мне пришлось выбирать себе компанию, я не раздумывал ни минуты.

– Не вижу связи, но продолжайте, таинственный ненавистник одиночества, – улыбнулась незнакомка.

– Связь самая что ни на есть прямая. Я выбрал совершенство, – как бы невзначай, продолжал расточать комплименты Слава, – С моей стороны, выглядело бы глупо, не выбери я Вас в компаньоны. Я бы себе этого не простил. Мое эстетическое восприятие мира не позволило мне совершить роковую ошибку.

– Это сейчас был комплимент самому себе? – она откинулась на спинку своего дивана и рассмеялась, – Вы, наверное, коммивояжер? Можно поинтересоваться, что Вы пытаетесь мне продать?

– Ну, вот видите, – с невозмутимым видом принял издевку Слава, – я оказался прав. Женщина, обладающая сногшибательной внешностью и таким же чувством юмора, совершенна. К сожалению, все, что я хотел сегодня продать, я уже продал. Вот, тому агентству, – он кивнул на большое стеклянное здание, расположенное напротив их кафе, – так что Ваши деньги в полнейшей безопасности. Ровно, как и Вы

сами. Я, конечно, буду весьма сожалеть, что не решился пригласить Вас на ужин. Зато, я останусь в Ваших глазах простым, добрым самаритянином, у которого и в мыслях не было, чтобы каким-то образом отяготить Вашу дальнейшую жизнь своим в ней пребыванием.

Воцарилась какая-то необъяснимая пауза. Даже люди, бегающие за окном по тротуару, казалось, остановились в ожидании ее развязки.

– Да..., – начал Слава и замолчал, остановленный жестом незнакомки.

– Майя.

Она положила правую руку себе на грудную клетку и отрывисто, отчетливо выговаривая каждую букву, повторила:

– Я – Майя, а Вы... – она замолчала в ожидании и протянула к нему руку.

– Слава, – копируя стилистику ее фразы, продолжил Слава и повторил ее жест.

– Слава, – повторила она за ним.

Майя задумчиво посмотрела куда-то за его спину и, вернув свой взгляд к нему, бодро заговорила:

– Слава, можно мне, пока Вы не передумали приглашать меня на ужин, задать Вам еще один вопрос?

– Можно. Только если он не касается названия ресторана. Все это время, я, как дурак, обдумывал, куда бы Вас пригласить, но мне ничего не пришло в голову, – извинился Слава, пожав плечами. – Простите, но Ваша улыбка все время меня

сбивала и не давала мне сосредоточиться.

Майя рассмеялась и продолжила свое шпионское расследование:

– Нет, мой вопрос из другой области. Скажите, а все мужчины Вашей профессии боятся одиночества?

– Моей профессии? Думаю, нет, – Слава заинтересованно прищурился, – но, я, ведь, не говорил ничего о своей профессии...

– Ну, это легко, – снова рассмеялась Майя. – Во-первых, Слава, Вы мне сами сказали, что были в том здании и что-то продавали, – она обернулась к витрине, указав взглядом на стеклянное здание, – Во-вторых, я там работаю и знаю, что в это здание коммивояжеров не пропускают. Ну, а в-третьих, и это самое простое, я сама подавала списки в коллегия. И, в них был некий Вячеслав, который должен был представить свой сценарий к ролику компании, производящей напитки. Как видите, не у Вас одного присутствует интуиция.

– Это значит, нет? – спросил Слава, выслушав Майю.

– Это значит, что я скорее приму Ваше приглашение, чем позволю Вам, оставить мое любопытство неудовлетворенным, – Майя достала из сумочки визитку и, протянув ее Славе, встала со своего места, – Только придумайте что-то поинтереснее, чем ресторан.

Она сняла с вешалки свой сиреневый пиджак и, обворотно улыбнувшись, выпорхнула из кафе.

Уже через минуту, она готовилась перейти дорогу, спиной к кафе, стоя на краю тротуара. Он проводил ее взглядом до самого агентства. Когда же она скрылась за большой, массивной дверью, Слава вдруг поймал себя на мысли, что все это время улыбался витрине. Он залпом допил остатки своего кофе и, покрутив в руках визитку, полез во внутренний карман своего пиджака в поисках бумажника.

Он очнулся в полной темноте, поводил рукой по столу в поисках компьютерной мыши, и, просто, ткнул пальцем в клавиатуру. Монитор ноутбука осветил комнату. Несколько минут, Слава бесцельно смотрел на пустой экран, а потом, словно очнувшись, запустил текстовый редактор. После нескольких минут, безуспешных попыток загипнотизировать, мигающую на пустой странице нового документа, черточку-курсор, он взял в руки телефон.

– Привет... Нет, все отлично... Дома. Только что вошел. У меня возникла идея. Как ты смотришь на то, чтобы сходить в кино?.. Не знаю. Я уже целую вечность не был в кинотеатре. Мы будем целоваться и вести себя как прыщавые подростки... Прекрасно. Я заеду за тобой завтра, а пока буду медленно умирать в ожидании встречи с тобой... Не-ет! Не дождешься. Ты будешь меня лицезреть, еще целую вечность, а потом разжевывать хлеб для беззубого старика. Кстати, как твой поход к крестной фее?.. Но она хоть обещала тебе, что постарается достать серебряные нити для твоего платья?.. Ну и отлично. Я рад. Значит, у меня будет самая волшебная невеста из всех невест. Главное, чтобы после свадьбы она не превратилась в тыкву... Ну, прости. Я хоть и дурак, но знал, в какое болото запустить стрелу, – Слава рассмеялся и покрутился в кресле, задрал голову к потолку.

ку, — Я люблю тебя, моя Царевна. И в доказательство моей любви, принесу тебе в клюве обещанное кольцо. Правда мои гномы оказались такими же ленивыми, как и твоя те-тушка-Крестная, но я с ними жестко поговорил. Они обеща-ли ускорить процесс огранки... Конечно. Знаешь, как им тя-жело? Они же маленькие. Бриллиант больше них в четыре раза. Поэтому им пришлось изготавливать, такие маленькие лесенки... Нет. Ты же знаешь, я боюсь высоты... Нет. Боль-ше ничего не боюсь... И драконов... Ладно, не буду... Как до завтра? Я только позвонил... Сколько? Мать моя... Прости, не глянул на часы... Тогда до завтра. Хотя, для меня это вообще не поздно... Ну, ладно, я понял... И как следу-ет, подготовься к долгому затяжному поцелую... Люблю... Да не смеюсь я... Не смеюсь. Ну, хочешь, я передам трубку одной из двух шлюшек, и они тебе подтвердят, что я гово-рю абсолютно с искренним и серьезным лицом? Ой, они уже убежали, захватив мой бумажник. Так что тебе придется по-верить мне на слово... Хорошо... Хорошо... Ха-ра-шо... Да не хочу я от тебя отвязаться... Маш, дорогая, я люблю тебя и буду любить тебя вечно... Да... Клянусь... Пока.

Он положил трубку и, на ходу расстегивая рубашку, от-правился в ванную комнату.

Он включил горячую воду, направив струю в ванну, и опустил заглушку. Вода, стала медленно заполнять дно белого чугунного бассейна. Слава не любил принимать душ, он любил полежать в ванне. Погружаясь в воду, он мог спокойно отдохнуть от беготни, согреться и прийти в себя. Он вообще считал, что душ придумали роботы. Те люди-роботы, которые никогда не устают и все время куда-то спешат, на бегу выполняя сложные операции и, ни на секунду, не выключают свой процессор. Прибежал, встал на ленту, проехал сквозь пену и струи теплой воды, отряхнулся и помчался собирать городскую пыль, попутно поглощая пончики и, жутким электронным голосом, приветствуя своих собратьев... Типа: «При-вет. Я ро-бот. А ты? При-вет. Я то-же ро-бот. Ха-ха-ха. Я счаст-лив. Вот те-бе пап-ка. Ха-ха-ха. Спа-си-бо. Вот те-бе то-же пап-ка. Я в душ. Ха-ха-ха. Я тоже в душ. Ха-ха-ха». И разошлись, чтобы, слегка ополоснувшись и, сожрав бутерброд, снова и снова обмениваться файлами, не содержащими ни байта полезной информации, ежедневно, совершая, запущенный каким-то умником, замкнутый жизненный цикл.

Слава забрался в полупустую ванную и лег, стараясь всем телом погрузиться в воду. Закрыв глаза, он неподвижно замер, слушая шум бегущей из крана воды. По мере того, как ее уровень в ванне поднимался, в его тело постепенно воз-

вращались тепло, покой и равновесие. Теперь, можно было спокойно обдумать все произошедшее с ним за день. Не торопясь, по ниточке, распутать образовавшийся клубок. В его голове, по-прежнему, вертелся только один вопрос: «Зачем? К чему вся эта спешка? Каким образом в его голову вошла и застряла эта пуля?» Он зачерпнул ладонями теплую воду и намочил волосы и лицо.

Спустя несколько долгих минут раздумий, Слава приподнялся, закрыл кран и, откинувшись на покатую спинку ванны, погрузился в образовавшуюся тишину. Он наблюдал за поднимающимися с поверхности воды струйками пара, скользящими по ней, будто по поверхности ледяного катка, гонимыми прочь его дыханием.

«Собственно, что такого в том, что он, ни с того, ни с сего, решил жениться? Ну, подумаешь... Ну, будет он приходить домой и, принимая ванну, слушать, как на кухне шипит сковорода, а сквозь щель в двери его ванной будет проникать легкий запах поджариваемого бекона. А вечером? Да, вообще класс! ...Сытно поужинал, выпив с Машкой по бокалу красного вина и, сразу же... сколько тебе плюсов! Что еще, тебе, нужно для счастья?»

Мысленно, Слава даже представил, эти большие и маленькие, красненькие, плюсы и плюсики. Их было так много, что в какой-то момент, они образовали собой целый флаг Грузии. Он усмехнулся и постарался соединить все эти крестики воедино. Теперь это был большущий красный плюс. Та-

кой же, как на машине «скорой помощи». Нет. Флаг Англии, нравился ему больше.

«...Спальня. О, да, это важно! Душистые волосы Машки, разметававшиеся по его лицу, мягкие, чувственные губы и нежный, томительный поцелуй. Ее красивое, волнующее тело под шелковым пеньюаром... рвется наружу, захватывает и... сводит с ума... Так-так, стоп! Что-то мы с тобой не в ту степь уплыли, Маш. Мы искали плюсы, а не собирались углубляться в эротические фантазии...»

Слава мысленно стряхнул с себя Машу и уснул рядом. И, пока следующий плюс формировался в его голове, он наблюдал, как она мирно спит, улыбаясь во сне.

«Да, как же я мог забыть?! Утренний кофе! И сэндвич, заправленный красивым листом салата. Это определенный плюс. Ну, хорошо, секс – это главное... Ага, но, это же еще и огромный минус... Ну, в том смысле, что... Вот как быть с теми, остальными? Флирт, конечно, у него никто не отнимет. Даже Машка. Это ладно. Но, ведь иногда... Гадство, что же делать, если тормоза откажут? Как вообще найти эти самые тормоза? Это тебе, Слав, не в машину прыгнуть и на педаль надавить...»

Он пошевелился, не открывая глаз, смочил волосы и, продолжил думать о том, что он теряет, потеряв последний оплот своей мужественности, отказавшись от свободы...

– Простите, – выхватив с книжной полки первую, попавшуюся ему, книгу в глянцевой обложке, сказал Слава, до-

гнав хорошенькую, молоденькую продавщицу, – простите, Вы мне не поможете?

Она обернулась и осветила его своей лучезарной улыбкой.

– С удовольствием, – ответила она, угадывая название книги в его руках.

– Я тут... – он обернулся, показывая руками, что заблудился, – ...слегка запутался. Может быть, Вы мне поможете? Мне нужен какой-нибудь интересный любовный роман. Для меня.

– Этот, – она указала подбородком на его трофей, – Вам будет не интересен...

Слава взглянул на книгу и, не раздумывая, поставил ее на книжную полку, а продавщица, немного задумавшись, продолжила:

– ...Что же, дайте подумать, – она снова улыбнулась ему своей чудесной улыбкой, – Вам хочется чего-то легкомысленного, или Вас интересуют серьезные отношения?

– Я еще не решил, – ответил Слава, – хорошо бы, что-нибудь новое, свеженькое... Да, и, для остроты, добавьте в него немного эротики.

– Я поняла. Думаю, Вам нужно обратиться в другой зал, – она слегка присела, немного согнув в коленях свои стройные, необычайной длины ноги и, протянув руку, указала на ступени, ведущие в следующий зал, – Вот, там, у нас, находится «отдел коротких банальных рассказов». Там, как раз, много интересных новинок. Думаю, в нем, Вы найдете

то, что искали.

– Вы рискуете потерять хорошего, вдумчивого читателя, отсылая меня к коротким историям, – возразил Слава, – потому что, если роман будет увлекательным, то моего терпения может хватить, даже на многотомник. Может, все-таки, посмотрите? У Вас же, наверняка, есть что-то такое, что может захватить дух. Подумайте еще, прошу. Я не тороплюсь. И, я целиком полагаюсь на Ваш изысканный вкус.

– Вы будете читать тут? – она рассмеялась и пальчиком указала на маленький столик, стоявший в глубине зала, – Или, Вам с собой, на вынос?

– С собой, – улыбнулся Слава, – и добавьте к счету бутылку красного вина. Мне нравится читать после бокала Кьянти или Пино де Шаран.

Ольга обернулась, подошла к книжной стойке, и сняла с нее первую попавшуюся ей книгу. Открыв ее, она достала из кармашка пиджака красивую серебряную ручку и что-то размашисто написала на титульном листе. Она убрала ручку, изящно надев на нее колпачок, и, закрыв обложку, передала книгу Славе, держа ее обеими руками.

– Надеюсь, она Вам понравится, – предположила она.

«Что же это была за книга? – Слава опустил голову, так, чтобы полностью оказаться под водой, – „Пятьдесят оттенков серого“⁸. Точно. Оттенки серого...» Он вынырнул и вы-

---

⁸ «Пятьдесят оттенков серого» (англ. «Fifty Shades of Grey») – эротический роман британской писательницы Э. Л. Джеймс, написанный и изданный в 2011 го-

тер ладонью сбегающие по лицу струйки воды.

Беря книгу из рук Ольги, он смотрел ей прямо в глаза. Слава ощутил, как слабые разряды тока, вырабатываемые шелковой кожей ее запястий, пробежали по обложке книги и замкнули цепь с его пальцами. Это же чувство охватило его чуть позже, вечером того же дня. Сказать по правде, оно не отпускало его и в ресторане, где они ужинали, и в его машине, и на протяжении короткого, но долгого пути до двери его квартиры и, особенно, в его спальне. Она была бесподобна. Она высекала искры из его глаз, плавила его тело, заставляла умирать и возрождаться. Он читал этот роман с упоением и взахлеб. Он читал его долгие два месяца, не отрываясь, жаждая и наслаждаясь красотой ее шоколадных сосков, выразительностью ее розовых губ, с упоением извергаясь в ее молодое, упругое тело. А потом, он ее дочитал. Или это она его прочитала. Но, как-то днем, заскочив за ней в магазин, он увидел, как Ольга, блядски ухмыляясь, подписывает титульный лист для какого-то юного хипстера, жующего жвачку...

Слава открыл глаза и слегка приподнялся. Остывающая вода отступила от его шеи. «Зачем я вспомнил концовку этой истории? Видимо, это минус. И этот мой минус, каким-то образом, является моим же плюсом, – усмехнувшись, подумал он. – Смог же я переболеть Ольгой?! Смог же мгновенно вычеркнуть ее из моей жизни, не ощутив даже капли сожаления? Нет, ну, капля, наверное, все же, была. Бы-

ла... На следующий же день. После того, как Ольги не стало. За обедом с Борисом и его женой. Когда эта сладкая, семейная парочка целовалась, она, почему-то напоминала рыжего, жующего жвачку хипстера. Ублюдок, будто сидел рядом с ними, и нагло ухмылялся, демонстрируя мне „фак“. Так что была... Капля, была...»

Он снова открыл кран с горячей водой. Хотелось еще немного погреться. Обхватив руками согнутые колени, он задумчиво смотрел на бегущие по воде круги. Слава прекрасно осознавал, зачем он вообще что-то сейчас вспоминал. Он всячески пытался отогнать от себя Майю, пытавшуюся проникнуть в его голову под покровом тишины, глушил всплывающие в его памяти воспоминания о ней. Она возвращалась в его жизнь так некстати.

«Все-таки, должен быть один, но непререкаемый плюс, – размышлял он, отвлекаемый шумом бегущей воды, – что-то такое, что не имеет отношения к сексу... Но, что? Если только... Вот! Точно! Брак, позволит мне, наконец, написать книгу! Спокойно сесть и написать». Слава представил себя сидящим, полулежа на кровати, с ноутбуком на животе... Представил умиляющуюся им Машу, присевшую напротив, с чашкой ароматного кофе...

«Кофе! Вот чего мне не хватает!» – очнулся Слава и, закрыв кран, потянулся к флакону с шампунем.

Открыв банку с молотым кофе, Слава всыпал четыре чайных ложки порошка в алюминиевую турку, и, налив в нее воду из-под крана, поставил на плиту. Какое-то необъяснимое волнение аккумулировалось в его груди. Пока что, поводов для особого беспокойства было не много. Ведь он ждал этого дня. Дня, когда сможет отважиться на поступок и решиться сделать предложение. И вообще, это было всего лишь предложение. Пока, речь, о подаче каких-то заявлений и назначения каких-то дат, не шла. Это успокаивало и делало волнение каким-то слабым. Но, тем не менее, Слава отчетливо понимал, что волна этого самого волнения стремилась перерасти в панику, а впоследствии, и вообще, могла обратиться в страх. Поэтому, он решил больше не искать никаких плюсов и минусов, кроме тех, что уже нашел. Они его вполне устраивали. А значит, можно просто расслабиться, выпить кофе, покурить и просто лечь спать. «Утро вечера мудренее», – решил он, поставив окончательную точку на своих идиотских размышлениях.

Он вылил приготовленный кофе в чашку, добавил две ложечки сахара и, захватив лежавшую на барной стойке пачку сигарет, отправился в комнату. Включив ночник, Слава сел за стол, сделал глоток крепкого кофе и закурил. Оживив ноутбук, он обнаружил брошенный им, мерцающий курсор и,

решив, что писать он сегодня не готов, закрыл пустой документ. На мониторе появилось открытое окно почты. В папке «входящие», лежало одно неп прочитанное письмо. Слава открыл папку. Это был ответ Майи. Без темы, как, впрочем, и его собственное, отправленное ей послание. Поглядывая в нерешительности на письмо, он затаился дымом, встал, походил по комнате, вышел на открытый балкон и вернулся. Он резко сел и, погасив сигарету в пепельнице, все же, открыл письмо. Текст письма был таким коротким и настолько простым, что Слава ощутил легкое разочарование. Он даже обиделся. «Могла бы написать и больше!» – зачем-то подумал он, многократно перечитывая письмо.

«Мне понравилось. Передавай привет Борису», – гласил текст.

И все! При помощи тачпада, Слава подвигал ползунок, но, кроме пустого белого поля, ничего не обнаружил. Отсутствовала, даже ее подпись. Он взял в руки мышь и покрутил колесико. Результат был тем же. Ничего нового, повторное изучение текста, ему не принесло. Слава достал из пачки вторую сигарету и снова закурил, вглядываясь в единственную строку письма. Она всегда так делала. Она всегда повторяла за ним все, что делал он. Это была такая игра. Если он одевал очки, она одевала тоже. А когда он шел к машине, она, размашистым шагом, шла рядом, он садился в водительское сиденье, она, отталкивая его бедром, пыталась сесть за руль. Когда же он поворачивался к ней, чтобы прекратить безоб-

разие, она делала свое лицо шутливо-строгим, и... они целовались. Вот и сейчас, стоило ему не поставить под письмом подпись, она ее тоже не поставила. Слава погасил недокуренную сигарету и, не отключая компьютер, лег на диван, закрыв лоб рукой.

Они встретились на выставке. Это был музей современного искусства. Майя была одета в головокружительное короткое платье, из легкого, как дуновение ветра, красного ситца, усыпанного мелкими белыми цветами. В руках она держала маленькую, белую лакированную сумочку. Ее длинные волосы были убраны в пучок, открывая, тем самым, ее длинную шею и красные листья сережек, серебряными гвоздиками, державшиеся за розовые мочки ушей. Минимум макияжа и максимум солнечного света – все это, делало ее такой свежей и притягательной, что Слава слегка онемел. Он изучал ее, не решаясь заговорить первым.

– Я так и думала, что Вы попытаетесь спрятаться за статую железного дровосека, – подойдя к нему, заговорила Майя.

– Этот костюм, великолепно оттенил собой маленькое красное совершенство, – приобретя дар речи, улыбаясь, ответил он, – Я даже подумываю, а не носить ли мне его вечно.

– Нет. Не нужно, – улыбнулась она. – Маленькому красному совершенству станет скучно. Ну, мы так и будем стоять, расточая друг другу дурацкие комплименты, или пойдем осматривать тайные закоулки Вашей железной скорлупы?

Слава пребывал в полном восторге от ее чувства юмора, восхищаясь ее умением подчинять ситуацию себе, наглым

образом отнимая у него руль. Ее характером, позволяющем ей вжимать педаль газа в пол, не боясь вылететь с трассы.

– Кажется, я поняла, зачем ты меня сюда затащил, – резко перейдя на «ты», обратилась к нему Майя, разглядывая очередной сюрреалистический экспонат, – я прямо чувствую некий склеп, в котором хранятся все убиенные тобой женщины. Вон, та – бабочка с оторванными крыльями, а вот эта – чувственная пчелка с растерзанным сердцем. А вот, посмотри, эта картина просто гласит: «Этот гвоздик я берегу для тебя». И в центре этого стонущего безумия, возвышается огромный фаллический столб, символизирующий непомерное эго беззащитного романтического паучка, поселившегося в углу вашей спальни.

Она сделала шаг назад, развернулась и, приблизившись к нему вплотную, заглянула прямо в его глаза:

– Я не буду твоей мухой, Слава...

И, так же резко развернувшись, как ни в чем не бывало, радостно вскинув руки в стороны, громко произнесла:

– ...Я в восхищении! Королева в восхищении!

– Ты не боишься пауков? – не найдя ничего другого, спросил Слава, следуя за Майей вдоль стен музейных залов.

– Нет, – все так же, весело улыбаясь, отвечала она, – Нисколечки. Нисколищечки. Вы, мужчины, наивно полагаете, что, впрыскивая в нас свой мерзкий паучий яд, вы обездвигиваете бедную, наивную стрекозку. Потом, ее остается только трахнуть и, оторвав крылья, пригвоздить на стену

своей боевой славы. Но вы ошибаетесь...

Она сделала паузу и увлекла его в следующий зал.

— ...сплетая свою липкую паутину, наглаживая свой чудесный, тоненький хоботок в предвкушении очередной жертвы...

Она остановилась у инсталляции, опутанной километрами разноцветных проводов различной толщины и структуры. Слегка наклонившись вперед, пристально изучая цветные хитросплетения, она задумчиво продолжила:

— ...вы должны помнить, что в любую секунду, это вы можете оказаться жертвами, поймав в свои сети муху-вампира, способную нейтрализовать ваш яд, который, к слову, ядом-то и не является... Так, всего лишь мутной жидкостью, отравляющей ее беззаботную жизнь... Но, не ее ясную голову...

Она резко повернулась к Славе, все это время, изучавшему форму ее совершенных ног, изредка отвлекаясь на музейные экспонаты. Он невозмутимо усмехнулся, глядя в ее слегка прищурившиеся глаза и поддержал ее настроение, предложив взять временный тайм-аут:

— Теперь, когда мы изучили мой внутренний мир, выяснили кто из нас паук, а кто муха-вампир, я предлагаю не переходить сразу к моему хоботку. Тем более что количество желающих на него посмотреть, может не ограничиться лишь редкими посетителями этого зала. Чтобы не собирать вокруг нас толпу зевак, а заодно и весь персонал музея, предлагаю

отправиться на галерею и что-нибудь выпить. Дабы жертва могла слегка расслабиться, а злодей пополнить свои злодейские силы.

Он устрашающе растопырил пальцы, протянув к ней руки. Не решившись коснуться ее талии, он весело рассмеялся и отступил в сторону, уступая Майе дорогу. Она сверкнула глазками и легкой бабочкой порхнула в направлении Арт-кафе. Она была словно мираж, сотканный из хрупкой звездной пыли. Коснись он ее, мираж исчезнет, растворится в залах этого музея... Может быть, он это и сделает. Но, не сейчас. Сейчас, Слава следовал своим правилам. Тем, что позволяли ему прикасаться к романтике, увлекали его в мир иллюзий – сладких мечтаний, очаровывающих его своей непредсказуемой предсказуемостью.

Он поднялся с дивана и достал из пачки еще одну сигарету. Пошарив на столе и не обнаружив на нем зажигалку, он вышел на балкон и, вдохнув грудью ночной летний воздух, отложил незажженную сигарету на подоконник. Город расцвел разноцветными огнями подсвеченных фонарями улиц и зажженными окнами домов. Слава смотрел на всю эту ночную красоту и любовался воздушным красным плащом Майи.

Он заказал ей бокал белого вина, а себе, как всегда, крепкий кофе. Слава слушал ее и пытался вспомнить, когда и где он совершил ту, главную ошибку? Когда он ее потерял? Когда эта сладкая иллюзия развеялась, превратившись в пыль?

И почему вдруг появилась Маша? Этого еще не произошло и произойдет не сейчас. Пройдет еще много месяцев, пока не появится Маша. Но, может быть, в этом, их первом, настоящем свидании и нужно искать ошибку, разрушившую такой, казалось бы, идеальный роман? Вот и кофе уже почти остыл. И вино практически допито. Сейчас они вдруг поймут, что хотят одного и того же, и поднимутся со своих мест. Сейчас отправятся к нему домой, и потекут эти несколько месяцев абсолютно невероятно секса. Наступит пора идеальных вечеров, слившихся в один большой, совершенный. Нет, причиной их внезапного разрыва была вовсе не Маша...

Слава вложил в губы лежавшую на подоконнике сигарету и принялся чиркать вспотевшей зажигалкой, высекая из нее искры без пламени. С десятого, или двадцать пятого раза, но ему удалось ее зажечь. Он поднес пламя к сигарете и глубоко затянулся.

...Причиной были их отношения без отношений, секс без любви, страсть с нависающим над ней огнетушителем. Может, это и было ее противоядие? Или ее яд? Он не убивал, не выжигал внутренности, не парализовал конечности... Невидимый, медленный яд... Растворившись в крови, смешавшись с красными тельцами эритроцитов и белыми зернами тромбоцитов, он освобождал. Он насыщал тебя кислородом и заставлял дышать свободой, искушал и увлекал тебя новыми красками, удовлетворяя жгучее любопытство. Он, словно особый физиологический раствор, пропус-

кал через себя разряды электрического тока, собирая вены в одну электромагнитную катушку, в центре которой был Слава – сердечник, управляемый на расстоянии. Майя ему не врала. Мухи-вампиры существовали. Одной из них и была она – Майя.

– Ну, теперь-то, ты готов мне его показать? – она сложила руки на груди и хитро прищурилась.

– Показать, что? – делая вид, что совершенно забыл о своем обещании, спросил Слава, допивая остатки кофе.

– Свой волшебный хоботок, – продемонстрировав отличную память, напомнила Майя.

– Едем? – ответил Слава, взяв ее за руку, и они сорвались со своих мест.

Слава погасил сигарету, с силой раздавив ее в пепельнице. Он чуть постоял, глядя как гасла последняя искорка, пытавшаяся была вернуться в безжизненный окурок, и, развернувшись спиной к ситцевому платю, решительно шагнул в комнату. Рухнув на диван, он крепко уснул.

Ворочаясь на диване, меня очередную неудобную позу, он проснулся. Его пустую комнату заливал неяркий солнечный свет, а по отсутствующим теням на полу, стало понятно, что полдень уже давно миновал. Поднявшись с дивана и растирая затекшее левое плечо, Слава нехотя побрел в кухню, откуда доносился шум звянящей посуды, где вкусно пахло только что сваренным кофе.

– Ну, и, что это мы тут хозяйничаем? – спросил Слава, обращаясь к Борису, метавшемуся по кухне от плиты к холодильнику и обратно.

– Это мы возвращаем Вас к жизни, мужчина, заблудившийся в своих женщинах, – громко шутил Боря, метнувшись к плите.

На сковороде, шипя раскаленным маслом, лежали ломтики батона с вырезанными в центре круглыми отверстиями, размером с доньшко стакана. Боря ловко разбивал яйца о край сковороды и так же ловко заливал отверстия желтками, размазывая белки по жареному хлебу.

– Кофе, я тебе сварил. Так что давай, приходи в себя, – не отвлекаясь от своего занятия, громко сообщил Боря.

– Сколько сейчас времени? – спросил Слава, глотнув кофе.

– Уже три, Слава, – ответил Борис, – Я не дождался твоего

звонка утром. Не дождался его днем. А, потом понял, что тебя нужно спасать.

– И ты заделался моей горничной? – усмехнулся Слава, – Может, ты скажешь мне, зачем тебе потребовалось меня спасать?

– У нас с тобой встреча с деловыми людьми, – потрясая в воздухе лопаткой для переворачивания бутербродов, ответил Боря. – Через два часа мы должны быть свежими, бодрыми, с лоснящимися, гладко выбритыми щеками. Ты что, забыл? Ты у меня вчера два раза спрашивал, «какие у нас планы на сегодня», и оба раза я тебе ответил, что у нас встреча и ты мне на ней нужен. Просыпайся, чудик!

– Я решил, что запланированная на сегодня встреча, состоялась вчера. Разве нет? Разве речь шла не о переговорах с Майей? Я думал, ты их просто перенес. Короче, Борь, ты меня запутал совсем. Я уже поменял свои планы на сегодня...

– Поменял, это типа решил проспать все на свете? – ухмылялся Борис.

– Ладно, остряк, – все еще сонным голосом ответил Слава, – рассказывай, давай. Что им всем, этим твоим деловым динозаврам, от нас нужно?

– То же, что нужно Майе, – отвечал Боря, выкладывая бутерброды на тарелку, – им нужен наш проект.

– Твой проект никому нахрен не нужен, Боря!

– Ну, это ты так думаешь. Я же, думаю иначе, – присажи-

ваясь за стол, произнес Борис.

– А Майя, значит, уже не актуальна? Я нихрена не понимаю. Перестань ухмыляться, как debil, и объясни все по порядку.

– Нет, почему же? Майя до сих пор актуальна. Просто, пока она летает по своим Малазийским курортам, мы продадим его другим. Тем, кого он точно заинтересует. Майя скользкая медуза... Прости, конечно, что я так о ней отзываюсь, – извинился Борис, кусая бутерброд, – она может сказать «да», а может и передумать. Мы не можем рисковать. А если ей что-то, вдруг, не понравится? Или... прости, но этим «или», можешь быть даже ты. Меня, такие скользкие гарантии, не устраивают.

– Вчера ты этого не говорил. Вчера ты был стопроцентно уверен, что все получилось. Борь, тебе не кажется, что ты страдаешь какой-то хренью? Вчера ты мне пел одно. Сегодня другое. Может тебе нужно полечиться?

– Я здоров друг. Просто ты не посвящен в мой бизнес-план. Поэтому тебе кажется, что мир захватил хаос. Я тебя уверяю. Все под контролем. Под моим чертовым контролем. И когда Майя позвонит мне и сообщит, что ей, что-то там, не понравилось...

– Но ей понравилось, Борь! – прервал его рассуждения Слава.

Улыбаясь, глядя на Бориса, застывшего с куском батона во рту, он повторил свою фразу:

– ...ей понравилось то, что я ей отправил! Можешь пойти и прочесть ее письмо. Она, кстати, в нем тебе привет передает.

Боря сорвался с места и, подняв руки к люстре, висящей под потолком, взмолился: «Так это же...! Спасибо тебе...!» Он схватил Славу за плечи и принялся трясти его, вытягивая из него всю правду:

– Где? Где это письмо? Я хочу на него посмотреть!

– Там, где и должно быть. В ноутбуке. Я его даже, по-моему, не выключал, – спокойно ответил Слава.

Боря метнулся в комнату и спустя минуту вернулся сияющий, как десять тысяч солнц.

– Я люблю тебя! – заголосил он и, вытянув свои коротенькие ручонки, бросился к Славе.

– Товарищ педераст, – морщась, взмолился Слава, отталкивая от себя Борю, – перестаньте пробуждать во мне эрекцию. У меня еще утренняя не прошла.

– Нравятся полные, кучерявые засранцы? – восторженно заявил Борис и дико расхохотался. – Давай, отправляйся в ванную и как следует вздрочи! Потому что это твое письмо, Слав, это прекрасный повод снять напряжение! Теперь, ты купишь своей Маше бриллиантовый булыжник, а не жалкое подростковое колечко с тремя крохотными фианитиками!

– Ну и отлично. Я пойду, займусь делом, а ты возвращайся к своей Марине. А не то, чего доброго, потеряет своего

Борюсика. Я же влюбчивый... – пошутил Слава и поднялся со стула в поиске сигареты.

– Думаешь, что я вот так от тебя отстану, Слав? – спросил Борис, когда Слава вернулся на кухню с сигаретой во рту, – Ты сейчас соберешься, возьмешь свою задницу в руки, и мы поедем на встречу! То, что Майя дала свое согласие, еще не означает, что наша сегодняшняя встреча не состоится!

– Э, нет, друг, – противился Слава, – я никуда не поеду. Я сегодня иду с Машкой в кино. Это и был мой план. Эту встречу я тебе обломить не дам. И не нужно делать такое лицо. Я не знаю, что ты там им скажешь, этим своим серьезным дядькам, но меня не впутывай. Ты же умеешь придумывать. Вот и придумай что-нибудь. Отложи встречу, перенеси. Поезжай на нее сам. Скажи им, что я заболел, что у меня понос. А еще лучше, скажи, что я на переговорах с Майей. Подогрей их интерес. Заставь их мозг работать на повышение ставок.

Положив дымящую сигарету в пепельницу, Слава встал и, толкая Бориса в спину, стал выпроваживать его из кухни.

– С ума сойти. Я и слов-то таких раньше не знал, – говорил Слава в прихожей, жестикулируя руками перед носом Бориса. – Благодаря тебе, Борь, мне приходится говорить с тобой на твоём языке. Это не нормально. Яйца не должны учить курицу.

– Ладно, чувак, не горячись, – ответил Боря, – я все понял. Я разберусь с этими акулами. Но, ты, хотя бы, подбросишь

меня к ним?

– Вот прямо так? – иронично усмехнулся Слава, указав руками на свой халат. – Щас, погоди, только тапочки одену... Борь, ну ты же как-то добирался сюда?

– На такси.

– Ну, вот. Ты человек небедный. Возьми еще такси. Борь, ну не смейся. Спасибо тебе, конечно, за завтрак, но твоя миссия на этом завершилась. Мне, правда нужно привести себя в порядок и бежать за билетами. В конце концов, могу я, хоть один день, не видеть твое лицо?

– Ну, хорошо, – согласился с его доводами Борис, – Только обещай, что, как только Майя приземлится в аэропорту, ты бросишь все и прилетишь в агентство. Живым или мертвым.

– Обещаю... – простонал Слава и закрыл за Борисом дверь.

– Неблагодарная скотина! – гулко разносясь по лестничной клетке, прогремел за дверью голос Бориса.

Слава вернулся на кухню и сел за стол. Он закрыл глаза и просидел так около пяти минут, периодически растирая свое непроснувшееся лицо. Потом он резко встал, насыпал в турку кофе, включил под ней газ и побрел в ванную.

Стоя в гардеробной в черных носках и синих джинсах, Слава задумчиво, уже по четвертому кругу, перелистывал свои рубахи. Ни одна из них не подходила к его настроению. То, она была слишком парадной, то слишком простой, для того, чтобы появиться в ней на свидании. «Хотя, какое к черту это свидание?» – решил Слава, надевая на себя серую футболку. Поверх нее, он одел простую рубашу в крупную, красную клетку и, с облегчением, взглянул на свое отражение в зеркале. Улыбнувшись своему двойнику, он вышел в прихожую и, обув старые, серые мокасины, взял валяющиеся на полке ключи от машины. Постояв минуту в полной тишине, он попытался вспомнить, что еще он мог забыть. Так ничего не вспомнив, он вышел из квартиры.

Он сел в машину и завел двигатель. Резко повернув влево ручку громкости, он приглушил радио, ударившее по его ушам гремящими аккордами какой-то «танцевальщины», а через несколько секунд, он уже выруливал со двора, выезжая в город.

Он, как обычно, гнал. Срываясь с перекрестка и резко маневрируя, как будто бы он был пилотом Формулы-1, гоняющим по извилистым улицам Валенсии или Монако, он наслаждался дорогой. Остановившись на одном из таких перекрестков, он переключил радиостанцию и принялся разгля-

дивать людей, здания, растяжки. Его внимание привлекла вывеска цветочного магазина, и он вспомнил, что его остановило на пороге дома – мысль о недостающем аксессуаре для полноценного свидания. Решив, что неплохо было бы купить букетик цветов, он не стал стремглав улетать с перекрестка, а аккуратно занял правый ряд и остановился у тротуара.

– Можно Вас на минутку отвлечь? – устав разглядывать многообразие букетов, спросил Слава у хорошенькой девушки, ухаживающей за цветами.

– Да, конечно... Желаете что-нибудь приобрести? Хотите готовую композицию, или Вам подобрать букет? – вежливо откликнулась она, произнеся сразу весь стандартный набор фраз-заготовок.

– Мне нужны цветы, – коротко заявил Слава.

– Я поняла. Какие Вам нужны цветы? – строго спросила она.

– А какие цветы Вам, обычно, дарят на свидании? – спросил он и перефразировал, – Скажем, так, какие из этих цветов, Вы хотели бы получить на свидании, если бы оно произошло прямо сейчас? Представьте меня, наше с Вами свидание, и подберите подходящие для такого случая цветы. На Ваш вкус. Ах да, я не сказал... Не знаю, важно это или нет, но, думаю, это как-то должно повлиять на Ваш выбор. Мы отправляемся с Вами в кино.

Она, слегка растерявшись, огляделась в поисках подходящего букета, и Слава решил ей немного помочь.

– Только давайте так. Это не то, чтобы, прям, супер-пупер-свидание-свидание... Поэтому, немного легкомысленности и поэтического шарма букету, не помешают. По крайней мере, я себе именно так его представил... наше с Вами свидание.

– Может... белые фрезии? – предположила она, – Белые, в голубой бумаге.

– Прекрасно! – ответил Слава, не глядя на цветы, – Простите меня за мою бестактность, но у нас с Вами уже, практически, свидание. Даже с цветами. А я до сих пор не знаю Вашего имени.

Она улыбнулась, понюхав букет из белых фрезий и кокетливо произнесла:

– Лиза.

– Безумно красиво! – похвалил Слава то ли букет, то ли ее имя. Или, быть может, и то, и другое. – Лиза, Вы любите свидания?

Она смущенно улыбнулась, но не ответила. Лишь вручила ему цветы.

– А я просто обожаю, – сказал Слава, нюхая букет, – как Вы смотрите на то, что я как-нибудь возьму Вас с собой?

– У меня есть молодой человек, – утвердительно произнесла Лиза, сделав ударение на слове «есть».

– А мы и его возьмем, – вызвав у нее искренний смех, продолжил Слава.

В ее глазах прекрасно читалось, что если там и был ка-

кой-то молодой человек, то его они могут и не приглашать. Поэтому он слегка изменил свой план:

– Хотя, нет. Его мы приглашать не будем... Судя по всему, он не большой поклонник свиданий. Ладно, я что-нибудь придумаю для него. Например, куплю ему билет на хоккейный матч. А пока скажите мне, где тут у вас касса? Надо же заплатить за эти чудесные цветы.

– Касса там, – она обернулась и рукой указала направление, куда следовало идти, – пойдёте со мной. Я же обещала Вам их обернуть...

Наблюдая за ее чудесной юной головкой, Слава смотрел, как его новая знакомая ловко управлялась со своей работой. Завернув фрезии в нежно-голубую бумагу, девушка-Лиза ловко разорвала ее края, что-то подкрутила, что-то загнула и, через минуту, вручила ему чудесный букет для свиданий. Он достал из кармана те деньги, что дал ему Борис. Отсчитав положенную сумму, получив сдачу, он покрутил в руках шикарный букет и похвалил Лизу:

– Замечательный букет! И Вы, Лиза, замечательная!

Она кивнула головой в знак благодарности за комплимент и смущенно улыбнулась.

– Поверьте, я никогда не вру. Вы самый обворожительный флорист из всех ста миллионов тысяч флористов, которых я видел. И я помню, что обещал Вам свидание, – по-шпионски подмигнув девушке-Лизе, заключил он.

Выходя из салона, Слава машинально обернулся и увидел,

как сквозь витрину, она коротко помахала ему вслед, просто разогнув пальцы правой руки. Коснувшись пальцами губ, Лиза задумчиво улыбнулась и исчезла в глубине салона, затерявшись между красными розами, оранжевыми герберами и белыми фрезиями.

Слава подъехал к офису Маши чуть раньше положенного времени. Припарковавшись, он выключил двигатель и положил букет в багажник. Ему показалось, что для цветов так будет лучше. Не желая жариться на солнце, он отправился в кафе, что находилось поблизости. Присев за столик, он достал телефон и, набрав номер, стал ждать ответа. Маша сняла трубку сразу.

– Привет, дорогая! – веселым, бодрым голосом поздоровался он, – ...Да. И уже устал ждать, поэтому зашел в кафе... Да, я подожду. Выпью пока кофе, расскажу анекдот... Как кому? Хорошенькой официантке, которая ждет, когда я договорю по телефону и сделаю заказ... Ладно. Я не буду ей рассказывать анекдот про лифт... И про автобус, тоже, не буду... Хорошо... Будешь выходить, позвони. Я подойду... Машина стоит напротив твоей конторы... Договорились. Ты, кстати, помнишь, что мы идем с тобой в кино?... Как забыла?... Нет! Никаких платьев и магазинов! Сегодня, кино!... Все, даже слушать не хочу... Все. Люблю, целую, жду.

Он положил трубку на стол и осмотрелся. Никакой официантки, ожидающей заказа не было. Ее не было ни рядом, ни вообще где бы то ни было. Зато, стоя за барной стойкой, в кафе, одиноко томилась юная кассирша студенческого воз-

раста. Слава забрал телефон со стола и подошел к стойке. Девушка перестала смотреть в свой смартфон и изобразила внимательность.

– Вы варите кофе? – вежливо спросил Слава.

– Нет, – ответила студентка, поглядывая на очередное сообщение, звякнувшее в руке, – У нас кофе из автомата.

– А утром, когда собираетесь на работу, варите? – настаивал Слава.

– Я пью растворимый, – простодушно ответила девушка и пожала плечами.

– Хорошо, тогда попросите Ваш автомат, сварить мне кофе покрепче.

– Вам какой? Эспresso или американо? – проявив какую-то особенную эрудицию, спросила студентка.

– Любой, – грубо ответил Слава, – тот, что у него лучше всего получается. Я буду вот там, у того окна.

Он вынул купюру, положил ее на стойку и, не дожидаясь сдачи, отправился к своему столику. Присев на стул, он выложил на стол сигареты, но не закурил. Глядя в витрину, он разглядывал проезжающие мимо машины. Так, неподвижно, он просидел минут пять, задумчиво вглядываясь в прохожих. Его раздумья прервала студентка, голосившая из-за своей барной стойки:

– Мужчина! Мужчина! Муж-чи-на! Да-да, Вы, – она утвердительно кивнула головой, когда Слава посмотрел в ее сторону, – Ваш кофе готов!

Поняв, что кофе ему сегодня не принесут, он, нехотя, поднялся из-за столика и направился к юному фрику с мобильным гаджетом в руках. Забрав, аккуратно положенную на чек, свою сдачу, Слава взял чашку с капучино и, не говоря ни слова, сел на свое место.

Вы, когда-нибудь, распускали старый вязаный свитер, сматывая его в клубок? Ну, или шерстяной носок? В далеком, Славином детстве, так делала его мама. Иногда, чтобы полностью перевязать его, добавив разноцветных нитей, а иногда, просто для того, чтобы перевязать пятку, когда носки становились маленькими. Она находила тайный узелок, развязывала его и, дергая за высвободившуюся нить, сматывала ее в мягкий клубок. Слава неотрывно наблюдал, как шерстяная нить, отчаянно цепляясь за петли, хваталась за них тысячами маленьких ворсинок. Как поддавшись маминым рукам, падала на пол серой извилистой волной. Как ряд за рядом, обреченно, таял целый носок, еще вчера считавший себя необходимой кому-то вещью. Иногда, нить обрывалась, но мамины руки подхватывали ее, и, связав разъединенные концы узлом, продолжали хладнокровно укладывать ее в нарастающий моток бесформенной пряжи.

Вам, когда-нибудь, исполнялось сорок лет? Думали ли вы, как становитесь похожими на старый вязаный носок? Присаживались ли вы на корточки, в предвкушении начала конца? Наблюдали ли вы за тем, как цепляясь за обстоятельства миллионами надуманных причин и миллиардами несо-

стоятельных обоснований, день за днем, неделя за неделей, распускается извилистая череда жизненных событий, нить, неминуемо ведущая к концу? То, обрываясь, то завязываясь в новые узлы, превращаясь в то, что мудрецы называют итогами, что в писательской среде принято называть ме-муарами, а газетчики умещают в короткие некрологи? При-ходилось ли вам по-настоящему переживать? Подушечка-ми пальцев ощущать узелки своей жизни, связанные чьей-то невидимой рукой? Вы, когда-нибудь, держали в руках свой клубок?

Мысли Славы прервал телефонный звонок. Он коротко поговорил с Машей и, оставив нетронутым свой капучино, вышел из кафе.

Он издалека заметил Машу. Ее бирюзовое платье, слегка колыхалось на ветру, изображая легкий морской бриз, над которым, одинокой белой чайкой, парил ее шелковый шарфик. Маша поправила волосы, словно вглядываясь в горизонт, стоя на морском берегу в маленьких туфлях-лодочках. Завидев Славу, она помахала ему рукой и сделала несколько шагов навстречу. Слава ускорил шаг, и они встретились. Он взял ее за талию и поцеловал.

– Я очень скучал, – тихо сказал он и повторил поцелуй, – где ты так долго была?

– Я больше скучала, обманщик, – ответила она и отдала ему кожаную папку с бумагами, оставив себе только бирюзовую сумочку.

– Берешь работу на дом? – поинтересовался Слава, подходя к машине.

– Пытаюсь. Но, чаще, приходится ходить на работу, – иронично ответила Маша, поправляя волосы, – Не всем же удастся все время работать дома.

Слава положил ее папку в багажник и, слегка расправив букет, так, чтобы этого не заметила Маша, выглянул из-за машины.

– Значит, я заслуживаю общественное порицание?

– В глазах всего прогрессивного человечества? Да! –

улыбнулась она.

– И я не заслуживаю снисхождения? – вкрадчиво спросил он и вышел из-за открытого багажника с букетом в руках.

– Человечество подумает, – тихо пообещала Маша, ощутив на своих губах нежный поцелуй.

Она взяла в руки букет и, с нескрываемым удовольствием, вдохнула легкий аромат белоснежных фрезий. Время на мгновение замерло, давая Славе ощутить себя мечтательным художником. Перед ним стояла хрупкая, почти прозрачная, легкая, словно мазки теплого июльского ветра в рыжих лучах вечернего солнца, красивая женщина – ангел по имени Маша. Она улыбнулась и обняла Славу свободной рукой, тихо прошептав на ухо:

– Они замечательные. Я люблю тебя, мой Ланселот⁹.

– Вы готовы умчаться со мной, моя Гвиневра¹⁰? Священный Грааль ждет нас! – он открыл пассажирскую дверь и протянул Маше руку, приглашая сесть ее в машину.

Двери купе синхронно захлопнулись, мягко шелкнув замками, и серебристый автомобиль, низко фыркнув, выстрелил стрелой, унося прочь влюбленного Ланселота и его Гвиневру.

---

⁹ Ланселот Озёрный (Ланселот, фр. Lancelot du Lac, англ. Lancelot of the Lake, также Launcelot) – в легендах о короле Артуре и основанных на них рыцарских романах – знаменитейший из рыцарей Круглого стола.

¹⁰ Гвиневра, Гвиневра, Гиневра или Джиневра (англ. Guinevere) – супруга легендарного короля Артура, изменившая ему с Ланселотом

– Ты так и не рассказал мне, чем закончились ваши вчерашние переговоры, – прервала затянувшееся молчание Маша.

– Пока что ничем, – ответил Слава, не отвлекаясь от дороги – да и вряд ли они чем-то закончатся. Ты же знаешь Борю. Он больше строитель, чем пожинатель. Большинство его песочных замков размывают соленые волны неизбежной реальности.

– А у меня другая информация, – спокойно возразила Маша, – у нас уже с утра все только и говорят, что о вашем контракте с Горгоной. Кто-то из ее группы слил информацию в наше агентство. Я только не могу понять, каким образом вам с Борей это удалось? Ведь все знают, что Горгона не работает с чужими людьми. Уж, тем более, она никогда не работает с фрилансерами. У нее свои источники, своя группа креативщиков... И, вдруг, вы!

– Ну, что я могу сказать? – ответил Слава и, посмотрев в сторону задумчивой Маши, отшутился, – Значит, мой сценарий настолько гениален, что Майя просто не могла пройти мимо него. А вот то, что, Боря, успел так быстро засветиться, не очень здорово. Наверное...

– Нет, Слав. Речь шла вообще не о вас с Борисом. Никто, кроме меня, пока не знает о вашей вчерашней встрече.

че. Просто пошел слух, что «Медиа Империя» готова подписать с китайцами контракт, хотя все знают, что с китайцами они до этого не работали. С ними работало какое-то другое агентство. По слухам, вроде бы, «Эйч Ди Арт». Вот, что всех удивило! У «Империи» была целая куча своих проектов, но не китайцы. И, вдруг, вчера, откуда-то выплыл готовый проект. Вот что обсуждают наши боссы, расчесывая свои лысые головы.

Маша повернулась в кресле и слегка толкнула Славу в плечо, наигранно изобразив ревность.

– Ну, так что там вчера произошло? Колись, непризнанный гений! У меня такое чувство, что вовсе не одной гениальностью ты покоришь эту крепость.

– А, ты имеешь в виду тех, моих вчерашних проституток? – широко улыбаясь, пошутил Слава, повернувшись к Маше, – Ну, так, я же тебе сказал, что они сперли мой бумажник. А там лежали мои наброски. Одной из этих прелестных нимф и была та самая Майя.

– Дурак! – обидчиво произнесла Маша и, глядя на дорогу, продолжила, – Если Майя и изображала из себя проститутку, то не вчера. Потому что, в таком случае, это была бы какая-то особенная проститутка, умудрившаяся побывать одновременно и в твоей постели и в самолете, летящем в Малайзию. Если не хочешь, не рассказывай. Но не делай из меня дуру, Слав, – заявила она, укоризненно кивнув головой.

– Маш, нечего рассказывать, – продолжая улыбаться, от-

ветил Слава, – Мы встретились с ней перед ее отлётом, но мы даже не показывали ей проект. Боря как всегда умничал и расхваливал меня и мою гениальность, а потом мы расстались. Придя домой, я отправил эту гениальную хрень ей на почту. Все. Это все, что было. Я даже не знаю, понравилось ли ей то, что я отправил. Потому что ответ от нее я не получал. Так что сказать тебе, что ее там зацепило, я не могу. Кстати, мы приехали.

Слава припарковался на одной из небольших улочек и, заглушив двигатель, повернулся к Маше, виновато улыбаясь. Она поцеловала его в щеку, делая вид, что поверила.

– Ты мой супершпион! – похвалил ее Слава. – А еще, ты супер-партизан. Не выдала меня фашистам! Знала, что это был я и не предала.

– Ага, знаешь, как было сложно сдержаться и все им не рассказать?

– Знаю, – ответил он, поцеловав ее в розовые, надувшиеся губки, – за это я тебя и люблю.

– Врун! – коротко сказала она и вырвала свою руку из его ладони.

– Врун, – подтвердил Слава, – лживый, но жутко симпатичный!

Маша открыла дверь и, выйдя на тротуар, не дожидаясь Славу, направилась в сторону кинотеатра. Слава задумчиво улыбнулся, вынул ключ из замка зажигания, и покинул автомобиль, хлопнув дверью.

Пока Слава приобретал билеты, Маша расположилась на одном из мягких диванов, театрального бара.

– Закажи мне бокал вина, – попросила Маша у присевшего напротив Славы.

– Только вина? Может еще что-нибудь? Ты не голодна? – поинтересовался он.

– Нет. Я поела на работе... Ну, если только какой-нибудь легкий салат... – согласилась она.

– А я, с твоего позволения, что-нибудь поем. Во-первых, у нас еще уйма времени до начала сеанса, а во-вторых, я с утра, кроме кофе, ничего не ел, – усмехнулся он, и позвал официанта.

– Так, что тебя связывает с Горгоной? Ты давно знаешь Майю? – неожиданно вернувшись к старой теме, спросила Маша, после того, как Слава сделал заказ.

На секунду, Слава представил отрубленную Персеем голову Медузы и усмехнулся. Маша не сдавалась. Она смотрела на него крайне заинтересованно, буквально просверливая его взглядом. Ему не хотелось сейчас обсуждать Майю. Он поискал в уголках своего мозга ответы на эти вопросы и, не найдя ничего подходящего, совершил отчаянную попытку уйти от неприятного разговора, действуя по принципу: «Соврал раз, не отступай. Продолжай в том же духе!»

– Абсолютно ничего. Ну, кроме того, что я тебе уже рассказал. Это была моя первая и последняя с ней, деловая, прошу заметить, встреча... – Слава замолчал, и поднял голову, посмотрев на принесшего заказ официанта.

– Мне так не показалось. Но, раз тебя с ней ничего не связывает... – резко «ослабив поводья», спокойно произнесла Маша, и взяла со стола бокал с янтарным вином, – ...значит, и нет повода обсуждать эту стерву.

– Я точно такого же мнения. Вы, женщины, излишне подозрительны. Всюду ищите подвох, которого нет, – продолжал свою мысль Слава, пытаясь покончить с темой, – не хочу больше оправдываться и обсуждать стерв и скользких гадин. В конце концов, я желаю просто насладиться своим свиданием с тобой, моя ненаглядная принцесса.

Она усмехнулась и попробовала вино. В следующий момент, она заговорила так, будто и не было никакой Майи и этих дурацких вопросов. Она смеялась, жестикулировала, обсуждая со Славой какой-то древний фильм и еще целую кучу каких-то фильмов. Знакомых ему и не очень. Он тоже смеялся, изображая, то Мела Гибсона¹¹, то Микки Рурка¹², то Шона Пэнна¹³, воспроизводя цитаты из фильмов, пытаясь

---

¹¹ Мел Колм-Килле Джерард Гибсон (англ. Mel Colm-Cille Gerard Gibson) – американско-австралийский актёр, режиссёр, сценарист и продюсер

¹² Микки Рурк (англ. Mickey Rourke; настоящее имя – Филипп Андре Рурк-младший) – американский киноактёр, бывший профессиональный боксёр.

¹³ Шон Джастин Пенн (англ. Sean Justin Penn) – американский актёр и кинорежиссёр.

рассмешить Машу. Он целовал ее, награждая ее за эрудированность и остроумие. Он, то выходил из-за стола, разыгрывая сценку из «Робота Полицейского»¹⁴, то размахивал руками, демонстрируя танец из «Криминального Чтива»¹⁵. Они снова смеялись и снова целовались. Но, каждый раз, когда они оба умолкали, перед его глазами, легкой дымкой волнений и необъяснимой тревоги, маячила голова медузы Горгоны.

Наконец, слегка перекусив и хорошенько подурочившись, расплатившись с официантом, они спешно покинули бар. Их сеанс должен был вот-вот начаться.

Трудно сказать, что им понравилось больше – легкая французская комедия на экране или поцелуи на заднем ряду, но один недостаток в просмотренном фильме они, все же, обнаружили. Наверное, на картине сказалась ее излишняя французскость. А может быть даже, ее комедийный жанр. Но, в ней напрочь отсутствовали затемненные сцены. Маша чувствовала себя не совсем комфортно, когда Слава реализовывал свой план проведения досуга. Поэтому, выйдя из кинотеатра, они решили отправиться туда, где им никто не будет мешать – к Маше домой.

Она жила в центре города, буквально в пяти минутах езды

---

¹⁴ «Робот-полицейский» «RoboCop», (1987) – кинофильм, фантастический боевик режиссёра Пола Верховена.

¹⁵ Фильм «Криминальное чтиво» (Pulp Fiction, 1994), режиссер Квентин Тарантино.

от кинотеатра, от которого они сейчас отъезжали, обсуждая просмотренный фильм. Кривляясь и жестикулируя, критикуя провальные и одобряя его удачные сцены, они весело отправились в пункт назначения.

Маша снимала однокомнатную квартиру-студию в мансарде старинного дома, ездила на работу на метро и часто, вечерами, выходила гулять в разбитый неподалеку скверик. В отличие от Славы, живущего в районе зеленых окраин, она обожала это место и этот район города, причисляя себя к детям каменных мостовых. «К поколению эстетствующих урбанистов», как правильно называл их Слава.

Они оставили машину на узкой улочке и, пройдя через арку, вошли в пахнувший древностью подъезд. Правда, древность эта, отчего-то, очень напоминала застарелый запах мочи. «Наверное, древние люди подмешивали ее в цемент. А, как бы иначе, этот легкий, волшебный аромат старины, мог дожить до наших времен?» – думал Слава, заходя в узкий, неосвещенный лифт. «Скорее всего, лифт в этом здании появился намного позже», – размышлял Слава, слушая похрустывания и поскрипывания в шахте, вдыхая чудесные ароматы белых фрезий и женских духов.

Не включая свет, Маша уверенно прошла в комнату и поставила свой букет в пустую вазу, стоявшую на старинном трюмо. В комнате царил полумрак. Только тусклый свет луны и свет городских огней, пробиваясь через два больших незанавешенных окна, находили в себе силы, чтобы сразить-

ся с крошечной темнотой, выжигая на ее паркетном теле два светлых прямоугольника. Маша наклонилась, чтобы понюхать цветы и ощутила Славины руки у себя на талии. Она распрямилась и закрыла глаза. Славины пальцы скользнули вверх по ее рукам, обняли плечи, нежно коснулись шеи и, тишину комнаты, нарушил звук расстегивающейся молнии на ее платье.

– Привет, – едва слышно произнес он, зарывшись лицом в ее волосы, коснувшись теплыми ладонями ее спины.

– Привет, – повернувшись к Славе, ответила Маша, посмотрев ему в глаза.

Он взял ее за руки и поднес ее пальцы к своим губам.

– Я соскучился.

– Я тоже скучала.

– Ты нужна мне.

– И ты мне нужен.

Он выпустил ее руки, и ее бирюзовое платье неслышно упало на пол, превратившись в маленькое голубое озеро, посреди безжизненной пустыни, в центре которого, искрясь и играя в свете луны, бил животворный фонтан, обжигая губы прозрачной, белой пеной Машиной кожи. Словно обесилившийся путник, Слава большими глотками жадно хватал живительную влагу, с силой вырывающуюся из-под земли. Он пил и не мог напиться. Ему хотелось выпить ее всю – без остатка, ему захотелось в нее окунуться.

Она стояла неподвижно, не открывая глаз, чувствуя, как

сжимаются и чуть ослабевают Славины пальцы на ее плечах, как срываются вниз, к бедрам и дрожат на ее животе. Она ощущала, как жаркие губы, жадно впиваясь в ее кожу, отдают ей какую-то невероятную силу. В каждую ее клеточку, в каждый ее волосок, заставляя все тело испытывать трепет вырастающей внутренней страсти. Она коснулась его головы, врезаясь длинными ногтями в его густые волосы. Волна поднялась, задушила и освободила. Маша тихо произнесла:

– Я хочу тебя...

Он просыпался тяжело и неохотно. Потянувшись, Слава всем телом ощутил мягкий шелк уютной постели и жалобные мольбы этого самого тела, не торопиться покидать уютное, теплое гнездышко. Он повернулся на бок и, зарывшись лицом в Машину подушку, открыл глаза. Прохладная ткань наволочки еще хранила аромат женского тела. Еще несколько минут, Слава оставался неподвижным, принимая трудное для себя решение – проснуться окончательно или продолжить просмотр захватывающих сновидений, с погонями на машинах и вертолетах, и маленьком, детском самокатике. Он сел на край кровати, поставив ноги на мягкий прикроватный коврик, взял в руки, лежавший на тумбочке, вырванный из блокнота листок, высвободив его из-под своего телефона.

«Люблю и скучаю. Маша», – гласило ее короткое послание.

Он обменял записку на телефон и, нажав на кнопку включения трубки, широко зевнул. Выключенная еще в кинотеатре, трубка приветственно сыграла несколько нот и, обрадовавшись своей новой жизни, заливисто пропищала. «Шесть непринятых звонков от Бори. Прекрасно!», – произнес Слава, изучив сообщение. Поговорив, таким образом, со своим телефоном, он оставил его на постели и побрел на кухню, чтобы заняться приготовлением кофе.

Борис Валерьевич, а коротко, Боря, спал, обнимаемый своей супругой. Женатый уже больше пятнадцати лет на своей Маринке, маленькой, изящной, тридцатипятилетней блондинке, он обожал свою супругу, свою работу, и гордился своими двумя высшими образованиями. Как большинство женатых мужчин, он, конечно же, мечтал о ребенке. В свои сорок два года, он не был похож на обрюзгшего, лысеющего мужичка. Он был энергичным, кучерявым евреем-живчиком, жутким непоседой-авантюристом. Ежечасно, ежеминутно и, даже когда спал, он генерировал бизнес-идеи, строил бизнес-планы, носился с ними, высекая искры-деньги из всего, к чему бы он ни прикасался. Отнюдь, он не был таким капиталистом, стремящимся завладеть всем золотом мира. Но, как он сам любил говорить, «он добывал стабильность», приближая тот день, когда наступит Эра спокойствия и благоденствия, день, когда на свет появится его наследник. Он обязательно появится. Но не ранее, чем солнце оповестит его о наступлении этой самой, Новой Эры. В общем и целом, по мнению того же Славы, это была какая-то жуткая муть или даже идиотическая глупость, но из-за уважения к другу, Слава старался не вмешиваться. Он прекрасно знал, как ревностно относился к любым своим идеям Борис. Да, и, в конце концов, это были его планы и его чертова

еврейская жизнь.

Марина, будучи более взвешенной и прагматичной, не разделяла мнения Бори. Может быть, в силу своих женских особенностей, а может быть из-за осознания того, как скоротечна, бывает порой наша жизнь, но, в какой-то момент, она занялась подрывной деятельностью. В прямом смысле этого слова. Она, втайне от своего мужа, стремилась забеременеть, пытаясь это сделать как можно раньше. Но, по каким-то неведомым ей причинам, у нее ничего не получалось. Видимо, концептуальный настрой мужа был настолько мощным, настолько впитал в себя его негасимую энергию, что заменил собой, даже его сперматозоиды. Проникая в ее яйцеклетку, агрессивная бизнес-концепция подчиняла себе крохотную, беззащитную, бедную Маринину «малипуську», заставляя ее отказаться от оплодотворения. Других объяснений этому феномену, Марина не находила.

Так они и существовали. Боря, в вечном полете со своими идеями, и Марина – вечно сидящая на унитазе с тестом на беременность в руках.

Это была самая счастливая пара, которую знал Слава. Они были замечательными. Особенно, когда были вместе. Он даже завидовал их способности оставаться нежными и внимательными друг к другу на протяжении стольких лет. Даже во время непродолжительных ссор и семейного разлада, они были предельно вежливыми и обходительными друг с другом. Да, собственно, они никогда и не ссорились. Слава

не помнил ни одного подобного случая. «Как такое возможно?» – спросите вы. «А, никак», – отвечу я вам. Это и была, та самая загадка их долбанной семьи, которая делала их какими-то особенными и, от того, еще больше интересными. Слава даже хотел сделать этих двух милых гоблинов героями своей будущей книги. Правда, пока, его руки не доходили, даже до ее заголовка.

Они лежали «стульчиком». Боря грел свою спину, прижимаясь к теплому и мягкому животу Марины. Он обожал эту позу. Так, он ощущал на себе какую-то особенную заботу со стороны жены, чувствовал защищенность и спокойствие. Он этого никогда никому не говорил. Тем более своей жене. Но, изо дня в день, засыпая и просыпаясь, он чувствовал себя крохотным, счастливым эмбрионом, находящимся в утробе матери.

Через минуту их разбудил будильник. Боря поежился и, с улыбкой на лице, ощутил спиной Маринкину грудь. Она почувствовала его настроение и крепче прижала к себе, поцеловав в шею. Боря повернулся, распахнул одеяло и, словно выпрыгнувший черт из табакерки, оказался сидящим верхом на ее бедрах.

– Доброе утро, котенок, – радостно замаяукал Боря и пощекотал Маринину грудь своим еврейским носом.

– С чего это я вдруг стала котенком? – отталкивая его, удивленно спросила Марина.

Подчинившись, Боря приподнялся на вытянутых руках

Марины и, сгребая ее аппетитные выпуклости, продолжал дурачиться:

– Нет, ну конечно, ну какой же ты котенок? Ты... – он на мгновение задумался, – ...ты кошка-мама. Моя больше-грудая львица.

– Что-то ты распоясался с утра, лев, – подозрительно посмотрев на мужа, ответила Марина. – И думать забудь. Спрячь свой стручок и не пытайся им меня соблазнить. Я на работу опаздываю.

– И что же мне с ним делать? – ответил Боря, опустив глаза к своему «стручку».

– Я не знаю, что тебе с ним делать, но в меня им тыкать не нужно, – рассмеялась она, – даже те две секунды, что будет продолжаться эта сумасшедшая оргия, могут оставить тебя без завтрака. Так что давай-ка ты встанешь с меня и позволишь мне пойти в ванную. А ты пока поговоришь со своим приятелем, извинишься за меня и все такое.

Боря наклонился и попытался поцеловать Марины соски, но она ловко вывернулась из-под него и, вскочив с кровати, побежала в ванную, схватив по пути халат, лежавший в кресле.

– А как же я? – разочарованно крикнул ей вслед Боря, опустив руки-плети.

– Вечером ты был просто бесподобным Бэтменом-любовником! – успела ответить Марина, прежде чем за ней закрылась дверь ванной комнаты.

– Суперменом... – простонал Борис.

Слегка обескураженный тем, что его внутренний эмоциональный подъем не нашел выхода, Боря с нескрываемым раздражением натянул на себя лежавшие у кровати трусы и отправился на кухню. Он собирался пошарить в холодильнике в поисках какой-нибудь еды, дабы куском ароматной колбасы заглушить свой сексуальный голод. Он нажал на кнопку запуска кофемолки и набрал в чайник воду из-под крана. Резко перехотев кофе, он выключил кофемолку и, включив электрический чайник, принялся нарезать колбасу.

– Хватит хозяйничать на кухне! – громко попросила Марина, выйдя из душа.

– Я же могу умереть, – так же громко произнес Борис и, осознавая, что у него могут отобрать еще и колбасу, засунул в рот сразу два больших куска.

Марина оттеснила его от разделочного стола, и он покорно сел за обеденный стол, дожевывая свои трофеи.

– Какие у тебя планы на сегодня? – спросила она, доставая из холодильника продукты, необходимые для приготовления завтрака.

– Попытаюсь встретиться с акулами из «Эйч Ди Арт». Нужно подстраховаться на тот случай, если Майя не возьмет наш проект, – вдыхая аромат жаренного бекона, через некоторое время ответил Борис, – Она вчера как-то странно себя вела. Ее поэтому и называют Горгоной. Ей может взбрести в голову все что угодно. Сегодня она скажет «да», а зав-

тра может послать все к черту. И, тогда, «пиши – пропало». Единственный мой козырь в рукаве, это Слава. Но ты же его знаешь. У него Маша. Заартачится Слава, и Майя нас вышвырнет, как щенков. Еще и втопчет нас задницами в асфальт, своим острым, чертовым каблуком.

– Боря, – укоризненно произнесла Марина, отвлекаясь от разделочной доски, – ну не скотина ли ты? Ты прости, но это выглядит именно так, – вернувшись к куску сыра, продолжала Марина, – ему жениться надо, а ты его бросаешь под эту вашу Майю, действуя как типичный хренов сутенер. Поверь, все будет именно так, как ты сейчас представил. Я даже буду рада, если ее каблук окажется в вашей с ним заднице. И особенно, – она демонстративно потрясла ножом в воздухе, – в твоей – мерзкой еврейской заднице, Боря. По крайней мере, это приведет к тому, что Слава спокойно женится на своей Маше. А ты, хоть на какое-то время, успокоишься и займешься тем, что будешь лезть не в чьи-то судьбы, а займешься, наконец, нашими.

– Я только этим и занимаюсь. С утра до вечера, Марин... – оправдывался Борис.

– Я знаю, – перервала его размышления Марина, – поэтому и прошу тебя делать это немножечко тоньше, – она поставила перед ним тарелку с завтраком и поцеловала в нос, – то же самое, но без ломания чужих жизней и без трупов на чердаке.

– Во-о-от! – заключил Боря, пальцем указав в потолок, –

Именно поэтому я и пытаюсь оттащить Славу от Медузы и заключить сделку с «Эйч Ди Арт».

– Боря, – рассмеялась Марина, – ну, кому ты тут лапшу на уши вешаешь? Сначала, ты его по уши окунаешь в это свое дерьмо, а потом, типа спасаешь?! Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

– Это была ошибка, – ничуть не краснея, врал Боря, – Великие, тоже ошибались.

– Ладно, великий, – она нежно поцеловала его в жующую небритую щеку, – я побежала одеваться, а ты давай заканчивай свой завтрак и беги, разгребай свое великое говнецо. Загубишь мне Славу, я тоже уйду. К кому-нибудь попроще. Не к такому великому.

– Ты способна на убийство? – возмутился Боря.

– О, да! И еще на какое! – зловеще произнесла Маринка и выбежала из кухни.

Она работала учительницей начальных классов и в отличие от мужа, ее рабочий день начинался гораздо раньше. Так что, у Бориса, была еще уйма времени, чтобы привести себя в порядок и только потом отправиться на работу. Он неспешно продолжал завтракать, ожидая своей очереди на попадание ванную комнату. Минут через десять, Марина уже шуршала в коридоре, забрасывая в свою сумочку косметичку, ключи от машины, какие-то салфетки, мобильный телефон и прочую, необходимую ей дребедень. Боря к тому времени позавтракал и мечтательно гипнотизировал чашку с горячим

чаем. Услышав возню в прихожей, он выполз из-за стола и, лениво почесывая спину, вышел из кухни, чтобы проводить жену. Марина спешно поцеловала его в щеку, и он закрыл за ней входную дверь.

– Постарайся сохранить себе жизнь, – бросила она ему напоследок и улыбнулась, – я твоей смерти не переживу.

Около одиннадцати часов, чисто выбритый, хорошо пахнущий Борис Валерьевич, ворвался в свой офис. Он поцеловал ручку вежливой, длинноногой секретарше, не забыв при этом заметить, как она подросла за то время, пока они не виделись. «Мы с Вами не виделись всего сутки, а мне уже кажется, что Вы стали чуточку выше». Он поднялся на лифте на второй этаж, забежал в свой кабинет и, швырнув на диван свой портфель, рухнул в свое кожаное кресло.

Он слегка отдышался, собрал свои силы и принялся за работу. А работы, надо сказать, у него было невпроворот. Итого: он провел совещание редколлегии, обсудил футбольный матч с начальником отдела маркетинга, секретаршу с начальником отдела мультимедийной продукции, позвонил со своего мобильного в «Эйч Ди Арт», договорился с ними о встрече, отчитался перед коммерческим директором о текущих расходах его отдела и объявил о предстоящих. Затратив на все про все около трех часов, с чувством выполненного долга, он покинул офис так же, как и вошел – сладко улыбнулся секретарше, поцеловал ей ручку и заметил, как великолепно блестят ее волосы: «Ваши волосы просто ослепительны».

Спустя еще полтора часа, будучи посланным Славой в... «Эйч Ди Арт», счастливый Борис плюхнулся на заднее си-

денье такси.

Счастье Бориса было вполне объяснимо. Он гонялся за Майей с тех самых пор, как она возглавила редакционную коллегия в крупнейшем рекламном агентстве. Еще до ее назначения, многие уважающие себя рекламщики (примерно такие, как Борис), называли «Медиа Империю» «полузакрытым сектантским сообществом». Агентство и раньше крайне неохотно отдавало свои проекты на аутсорсинг, предпочитая замкнутый цикл. Как только в кресло главного редактора села Майя Игоревна, а произошло это более полутора лет назад, агентство полностью отгородилось от внешнего мира, по праву заслужив себе звание «закрытой секты». Все попытки проникнуть в него извне, заканчивались полным фиаско. Если бы кто-то, из пишущих, печатающих или снимающих рекламодателей узнал, что вы пытаетесь заключить с Майей какой-нибудь субподряд, не говоря уже о ваших попытках подложить ей самостоятельный, сверх гениальный проект, он бы счел вас сумасшедшим или отчаянным самоубийцей. Вот почему Майя, вслед за своим Агентством, заслужила свое зловещее прозвище – «Горгона»¹⁶. Никто особо и не помышлял рассматривать ее «Империю», как союзника. Дабы, во-первых, не растрачивать свои силы на бесполезное занятие, а, во-вторых, из-за страха расстаться со сво-

---

¹⁶ Горго́на (греч. Γοργώ, Γοργών, вероятно от греч. γοργός – грозный, ужасный) – в древнегреческой мифологии – змееволосые чудовища, дочери морского божества Форкия (Форкиса) и его сестры Кето.

ей конгениальной идеей. Все те, кто ее мало-мальски знал, были прекрасно осведомлены, как работает Майя. Это ее качество и стало, впоследствии, второй составляющей ее прозвища. Почему?

Ну, допустим, Вы – гений, придумавший картинку, слоган или даже целый видеоролик, способные до небес поднять (в Вашей стране) продажи продукции американской компании «Hewlett-Packard», или швейцарской компании «Swatch». И, с этой светлой мыслью, Вы мчитесь к Горгоне. Она, Майя, вежливо выслушивает Вас, обещает рассмотреть Ваше предложение и даже назначает Вам встречу. Скажем, через две недели. Но, это еще не все. Самое интересное будет чуть позже. Вы, переполненный смешанным чувством волнения, ликования и гордостью за свое детище, пожимаете ей руку и уже собираетесь уходить. И, в этот самый момент, она объявляет, что готова заключить с Вами предварительный контракт «О неразглашении деталей проекта». А еще невероятнее, в Вашей голове, к которой, в этот момент, уже всю подступает сперма, звучит ее желание, «выписать Вам авансовый чек». А Вы, то ли из-за своей природной скромности, то ли из-за авторитета агентства, которое представляет Майя, очарованные ее сексуальной улыбкой, либо вовсе отказываетесь от аванса, либо получаете от нее чисто символическую сумму и... подписываете бумаги. И вот, окрыленные своим успехом, Вы летите тратить свои денежки. Покупаете своей девушке новый смартфон, а себе компакт-диск

с новым альбомом «U-2»¹⁷... Ну, а ночью, благодарная подруга, отдается Вам вся, без остатка... Насладившись первым в Вашей никчемной жизни, офигенным, умопомрачительным сексом с юной нимфеткой, Вы врубаєте телик, чтобы вкусить все прелести жизни и поиграть с ней в купленный со скидкой «X-box»... И, что же Вы видите? Да-да! Вы видите, как на экране скачет ковбой (в Вашей идее – индейцы), как слезает с лошади (в Вашем ролике – с осла) и, отряхнув роуч (у Вас – страусиное перо), закуривает сигарету (по Вашей версии – трубку). Ковбой смотрит вдаль и говорит что-то типа: «Добро пожаловать туда, где вкус» (Ваш слоган звучал как «добро пожаловать туда, где аромат»). И все! Вот тут, Вы понимаете, что Вашему головокружительному сексу с красоткой, сжимающей в руках игровой джойстик, повториться больше не суждено! В этой, гребаной жизни, никогда!

И это было не все. Помимо всего прочего, никто не знал, как удавалось Майе получить все крупные контракты на этом рынке. Все знали, что делят между собой то, что не съела она. Да, это была настоящая Медуза¹⁸. Такая, какой ее рисуют художники – с сотней шипящих змеиных голов

---

¹⁷ U2 – рок-группа из Дублина, Ирландия. Сформированная в 1976 году U2 начиная с середины 1980-х является одной из самых популярных и успешных групп в мире.

¹⁸ Горго́на Меду́за (точнее Меду́са, др.-греч. Μέδουσα – «стражник, защитница, повелительница») – наиболее известная из трех сестёр горгон, чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Её взгляд обращал человека в камень. Была убита Персеем. Упомянута в «Одиссее» (XI 634)

вместо волос. Вот какую Горгону поймал на крючок Борис. Майя проглотила его наживку. Подтверждением этому было ее электронное письмо, лежавшее в Славинном компьютере. Борис чувствовал, как в его пальцах трепыхалось скользкое тельце беспозвоночного животного. Это, приводило Боря в полный восторг. На этой волне, он мог простить Славе все, что угодно, любые его прихоти. Он внутренне улыбнулся, назвал адрес, и такси тронулось с места.

Как справедливо считал Борис, он был отличным стратегом. Поэтому, он решил не отказываться ни от одного из своих запасных вариантов. Чтобы подтвердить свой визит, он достал телефон и набрал номер исполнительного директора «Эйч Ди Арт».

– Костя, здравствуй. Я готов встретиться, как мы и договаривались, через... – он посмотрел на часы, – ...через 20 минут.

В трубке раздался визжащий крик неврастеника:

– Ты издеваешься? Нет, ты скажи, Боря, ты позвонил, чтобы убедиться, что я в жопе? Сообщаю. Я в жопе! Мы все в жопе, Боря!

– погоди, я не понимаю, Костя. Ты, о чем? – удивился и насторожился Борис.

– Да о том, Боря. Я все о том. О том, что Майя подписала этот чертов контракт! – Борова трубка затихла и через секунду снова заговорила, – Ты что, не в своем офисе? Ты не в агентстве?

– Нет. Я в такси. Еду к тебе. Я же сказал... – спокойно сообщил Боря.

– Ну, тогда можешь разворачивать свое такси и тащить свою задницу в свой офис. Думаю, что твое начальство уже в курсе. Если еще нет, то это дело как раз двадцати минут. Да весь город в курсе, Боря. Эта сука нас всех сделала. Снова сделала! Она подписала этот долбанный контракт! Мы все бились за него больше месяца, работали, устраивали презентации, летали к заказчику, ползали на брюхе... а эта сука, у которой еще вчера ничего не было, вдруг, ни с того ни с сего, подписывается!

Чем больше говорил, или не так, чем больше визжал Костя, тем шире расплывалась улыбка на лице Бориса. Ему ли не знать, что произошло вчера!

– Кость, а есть подробности?

– Какие, в жопу, подробности? Все, что я знаю, это то, что вчера у Горгоны появилось предложение, а сегодня она подписывается. Прямо в Малайзии! Вот знать бы, откуда вылезло это что-то и что это вообще такое?! Что, эти придурки, эти китайцы, схавали за секунду и не подавились?! Она что, рожает эти свои сраные идеи?

– Она же женщина, Костя. Возможно, что и так... – предположил Боря, – ...ладно, я так понял, что встреча отменяется. Похоже, мне и правда, пора возвращаться к себе.

– Постой, Борь, – вкрадчиво заговорил Костя, – а не ты ли тот добрый самаритянин, оплодотворивший эту плодовитую

стерву? Ты же мне что-то хотел показать. Может быть, она была первой?

– Я бесплоден, Костя. И Горгона никогда бы не подпустила к себе мою задницу. Ты же это прекрасно знаешь. Не знаю, что получили китайцы, но я клянусь тебе, что ни меня, ни даже моих мыслей там нет. Если мне что-то удастся выяснить, я тебе перезвоню. Извини, мне нужно заплатить шоферу.

– Я верю тебе, Боря. Но, если я узнаю, что ты приложил к этому руку, то между нами будет война. Слышишь? Вечная, Боря. До смерти. И я эту твою руку не только не пожму, но и отрублю к чертям собачьим по самые твои яйца! Ладно, приятель, я тебя просто предупредил, – смягчился Константин и, судя по доброжелательным ноткам, сквозившим в его голосе, даже улыбнулся, – Вали уже, на свой ковер.

Боря положил трубку и превратился в орангутанга. Он зажмурился и дергал руками, едва сдерживаясь, чтобы не заорать. Потом резко превратился обратно в человека и отдал команду таксисту, чтобы тот разворачивался. Он назвал водителю новый адрес и позвонил длинноногой секретарше.

– Марина, это Борис Валерьевич. Для меня есть какие-нибудь новости?.. – спокойным, с нотками слащавости, голосом, спросил он, – Нет?.. Приглашение?.. А, это... Положите мне на стол. А в конторе что, совсем тихо?.. Ну и отлично. Сообщите Геннадию Николаевичу, что я буду у себя через 15 минут... Спасибо, Мариночка.

Боря отложил телефон и блаженно развалился на сиденье.

Не правда ли, что это очень удобно, когда Вашу секретаршу, зовут так же, как зовут Вашу жену?

Борис не был ее любовником. Он даже не спал с ней. Сказать, что он никогда не помышлял о занятии сексом с этой эталонной брюнеткой, означало бы то же, что «соврать». Потому, что в пределах его офиса, ее хотели все, начиная с охранника и заканчивая генеральным директором. Количество ее поклонников за его пределами, Борис никогда не подсчитывал. Но, был наверняка уверен, что их бы набралось на несколько таких крупных агентств. И, хотя, Борис Валерьевич был отличным семьянином, безупречным, верным мужем, он, как, впрочем, и все остальные верные мужья, мечтал, что когда-нибудь, в обозримом будущем...

Все же, согласитесь, «стремиться» и «спать» – это немного разные вещи. Разве нет? Окей! Скажите, разве Вы, устояли бы перед соблазном, обмакнуть свой пальчик в кремовый торт, пока все заняты поздравлением именинника? Ну, или так... Разве Вы не помышляли о страстном сексе с длинноногой блондинкой, столкнувшись глазами с ее третьим объемом, в винном отделе супермаркета, пока Ваша жена выбирала курицу в мясном? Если Вы ответили на этот вопрос отрицательно, это значит, что:

а) Вы – та самая жена с курицей;

б) Вы – любая из форм жизни планеты Земля, не имеющая отношения к мужчине.

Боря был мужчиной. И с фантазией у него, как Вы понимаете, все было в полном порядке. Особенно в постели с Мариной. Ну, той, что жена. Если бы Вы только видели, что сотворял Борис в этой самой постели с Мариной, той, что секретарша. При этом, счастливы были оба – и Боря и Марина. Та, что жена.

Вот, почему так удобно, когда Вашу секретаршу... ну, или Вашу знакомую из «винного», зовут так же, как зовут Вашу жену.

Боря влетел в офис и оценил обстановку, царящую в холле. Не нарушая привычный ритуал, он, конечно же, уделил максимум своего внимания Марине. Сделав вид, что интересуется письмом, он заметил, что она: «...лучшее, что есть в этом мрачном здании». Произнеся дежурный комплимент, он прыгнул в лифт и, выскочив из него, как обычно, на втором этаже, быстрым шагом прошел к себе в кабинет. Распечатав конверт с приглашением, он бегло пробежал глазами по тексту и, отложив открытку в сторону, нажал на кнопку селектора.

– Мариночка, Геннадий Николаевич у себя?

– Да, Борис Валерьевич. И, похоже, что сейчас он свободен.

– Узнайте, пожалуйста, может ли он меня принять, – попросил Борис, наклонившись над столом.

– Он Вас уже давно ожидает. Все директора у него уже побывали. Остались только Вы, – невозмутимо ответила она.

– Спасибо, Мариночка, – вежливо ответил Борис, закрыв глаза и, отпустив кнопку селектора, грязно выругался, – пи... ц!

Он вошел в кабинет директора и спокойно принял первую взрывную волну негодования, обрушившуюся на него из-за директорского стола.

– Где ты носишься, черт возьми, когда ты мне нужен, Борис? Ты уже в курсе всей этой хрени с китайцами?

За долгие годы работы с этим человеком, Боря прекрасно изучил характер Геннадия Николаевича. Он знал, что первой волной, его шеф не ограничится. Но еще лучше, он знал, что если сейчас он прикинется несведущим дурачком и ответит на директорский вопрос, произнеся что-то типа: «Какой хрени?», то он не выживет от удара молотом в голову. Поэтому, спокойным голосом произнес:

– Я уже в курсе. Как раз был в разведке, готов доложить, – соврал Борис и спокойно опустился на диван, взяв в руки глянцевого журнала.

– Ну, и что донесла твоя разведка? – заинтересованно спросил директор и сел в свое кресло.

– А ничего, – подчеркнуто спокойно произнес Боря, – никто ничего не знает. Но это пока. Пока все говорят о подписании контракта, но деталей не знает никто. Ни условий подписания, ни объемов, ни сроков. Это и есть главное, что удалось выяснить.

– Я что-то не понял твоего спокойствия, Боря, – просверливая его взглядом, допытывался Г.Н., – ты сейчас пытаешься мне впарить, что Горгоновский контракт это типа пустышка, а ты, мать твою, хорошо работаешь? Да вы тут все отлично работаете, а самые крупные контракты почему-то у нее. Ну, расскажи мне, расчудесный ты Боря, так как же так получается?

Боря не знал, что ответить. Вернее, мысленно, он уже давно ответил. Но этот ответ, вроде: «Да Вы же сами просрали китайцев, когда по какой-то тупой, идиотской причине, завернули тот проект, что сейчас подписала Майя. Тот самый, мать Вашу, проект!», вряд ли бы его устроил. А после внутренней цензуры, от всей этой громоздкой фразы, оставалось только одно слово – «Вы». Такой вариант вообще не катил. Поэтому Боря просто промолчал.

– А я тебе скажу, как это получилось, Боря. В этом провале целиком моя вина! – неожиданно признался ГЕНН-директор, к величайшему удивлению Бориса, – Это я вас распустил своим либерализмом. Платил вам зарплату, вместо того, чтобы выгнать вас всех на мороз, к чертовой матери! Было бы куда выгоднее, взять вместо всей этой оравы ленивых... – тут он запнулся и, не придумав кого «ленивых», продолжил, – всего одну Горгону. Все эти деньги, что я плачу вам, я бы платил ей, Боря! Как думаешь? Я бы многое потерял в этой жизни, не будь в ней тебя?

– Я знаю, Геннадий Николаевич, что мы сильно облажались, – начал признаваться Борис, – И не только мы. Все агентства хотели этот контракт. И в них, сейчас, та же история – сплошные увольнения. Скоро весь город окажется на улице. Но, поверьте, тут дело не в Майе Игоревне, – выкручивался он, путая следы, – До сегодняшнего дня, она точно так же, как все мы, безрезультатно бегала за китайцами. На ее месте мог оказаться кто угодно, приди к нему тот, кто

ей принес то, что понравилось китайцам.

– Так вот, Борис Валерьевич, твоя задача, не паясничать, сидя на диване в моем кабинете и не путать меня своими «приди кто, принеси то, не знаю что...» Твоя, Борис, задача не рожать мне сейчас теории о победителях, а выяснить, кто был автором этой сраной идеи! Чтобы не ты, а этот автор сидел в этом кабинете, на твоём месте и фонтанировал идеями, а ты, в это время, за ним бегло записывал и продавал китайцам. Вот чем ты должен заниматься!

Сказав эти слова, Геннадий Николаевич взял стоящий перед ним маленький белый чайничек и налил себе в чашку ароматный зелёный чай. Боря понял, что наступила оттепель.

– Думаю, Майя Игоревна будет держать автора в секрете. Будет тяжело то-либo выяснить, – произнес Боря, вынув козырь из рукава.

– А мне плевать, Борис Валерьевич, как ты это сделаешь. Увольняйся, устраивайся к Горгоне менеджером на побегушки... Да, хоть ночной уборщицей заделайся... Но выясни и притащи мне его. Надеюсь, Борис Валерьевич, твоя задача ясна?

– Яснее ясного, – с серьёзным видом согласился Борис и, поднявшись с дивана, быстро вышел из кабинета, оставив Г.Н. наедине с его ароматным чаем.

Вот теперь, когда в руках у Бориса была ясная задача, он мог не переживать, что Г.Н. узнает, кто отдал Майе автора

этого самого пресловутого проекта. Теперь, вообще все было только в его пользу. Теперь, он был король! Теперь, он мог спокойно улететь на крыльях счастья в свой кабинет. Мог откинуться в кресле и закрыть глаза, чтобы как следует по-смаковать свой триумф и помечтать о диком сексе с необузданной секретаршей.

Вскинув руки и победно разведя их в стороны, Боря вращался в кресле, наслаждаясь своей исключительностью. Совершив несколько оборотов, он резко остановился и, отталкиваясь ногами от пола, подкатился к столу. Он взял со стола свой мобильный телефон и позвонил Славе. Трубка извинилась женским голосом и сообщила, что абоненту сейчас не до королей, и необходимо перезвонить позже. Борис ничуть не расстроился. Он сбросил свой вызов и перезвонил по другому номеру. Трубку сняли практически сразу, и уже другой, не менее приятный, женский голос, весело поздоровался:

– Привет, Боря! Ты ли это? Я уже соскучилась по твоему обществу.

– Алисочка, здравствуй. Ты не согласишься, как я по тебе скучал, – улыбался трубке Борис, раскручиваясь в своем кресле.

– Не поверю, Боря! – так же весело прозвучал голос Алисы, – Зная тебя, не поверю! Ну, рассказывай, что на этот раз понадобилось от Алисы хитрому еврею?

– Хочу встретиться с тобой, чтобы полюбоваться твоей очаровательной улыбкой. Ты ведь получила приглашение на издательский вечер?

– Получила. Не хитри Борь. Я ведь тебя давно знаю. Вы-

кладывай, что там у тебя? Ты ведь не из-за улыбки позвонил.

– Да ни чего особенного. Получил открытку и вспомнил о тебе. Я же весь в работе, сама понимаешь. Некогда даже побриться, – Борис потер ладонью свой гладковыбритый подбородок, – Вот и решил уточнить, будет ли на этом приеме моя прелестная Алиса. А заодно, попросить ее разрешения, представить ей моего давнего приятеля и хорошего писателя.

– Боря, тебе можно все, – вежливым тоном ответила трубка, – Я его знаю?

– Вряд ли. Но он очень талантливый. И настолько же стеснительный. Поэтому нигде не публикуется. Считает свои романы никому не нужным мусором. А мне они нравятся. Поэтому я и позвонил тебе. Ты лучше всех! Ты не просто видишь талант, ты можешь его сделать всеобщим достоянием!

– Так, Боря, прекрати эту свою наглую лесть. Ты же знаешь, что в издательстве не я решаю, что печатать, а что нет, – ответила Алиса и, сделав небольшую паузу, продолжила, – Ну, хорошо. Я встречу с твоим скромнягой. Если ты говоришь, что он интересен...

– Очень интересен! – перебил ее Боря и снова принялся вращаться в своем кресле.

– Не перебивай... – попросила его Алиса, – ...я и так знаю, что, если ты говоришь, что кто-то может быть интересен, значит в нем, точно, что-то есть. Ну, а насколько он хорош, это мы выясним, когда я что-нибудь прочту. Только так. Да-

вай сразу договоримся. Я тебе ничего не обещала...

– Конечно нет! Разве я не понимаю? Конъюнктура, ранок и все такое... Просто присмотришь. А нет, так нет. Он не обидится. Он все равно этими своими романами камин разжигает, – кресло Бори застыло, перестав вращаться.

– Отлично. Значит, завтра и увидимся с твоим кочегаром, – усмехнувшись, ответила Алиса и пошутила, – Только, пускай сажу с лица смоем.

– Я тебя обожаю, Алисочка! – произнес Борис, поцеловав телефонную трубку.

– Я тебя тоже люблю, старый пройдоха, – ответила трубка и отключилась.

Борис дотянулся до пригласительной открытки и, повертев ее в руках, набрал указанный на ней номер телефона. Подтвердив свое участие в вечере, он сообщил, что он будет в количестве двух человек, вложил открытку в конверт, и, спрятав письмо во внутреннем кармане пиджака, вышел из кабинета.

Спустившись в холл, Борис подошел к ресепшн. Марина, наклонившаяся над стойкой, на секунду приподняла голову и, приветственно улыбнувшись, продолжила копшиться в своей сумочке. Разглядывая ее чудесную блузу, он не обделил вниманием ее аппетитный, волновавший его воображение бюст, и обратился к нему:

– Мариночка, что касается завтрашнего дня...

Борис поднял глаза и, встретившись с Мариной взглядом, слегка зарумянившись, продолжил:

– Я приглашен на вечер издателей, поэтому, скорее всего, завтра меня в офисе не будет. Все звонки перенаправляйте на мой мобильный телефон.

– Хорошо, Борис Валерьевич, – улыбнулась она и, подняв глаза кверху, туда, где обычно располагался кабинет их директора, спросила, – Как прошло?

– Прекрасно! Все прошло, – пошутил Борис, – Тучи развеялись, и я могу спокойно выпить стаканчик виски. Тем более что я остался на время без машины. Кстати, Марин, вызовите мне, пожалуйста, такси, а то мои ноги сотрутся раньше, чем я попаду в бар.

– Я могу спасти Ваши ноги, Борис Валерьевич, – рассмеялась Марина, – тем более что мой рабочий день закончился. И у меня есть машина.

Ее предложение прозвучало настолько неожиданно, что Борис чуть не выпрыгнул из штанов. Он был готов это сделать прямо в холле, но не сделал. Сдержанно, чуть заикаясь и подбирая слова, он произнес:

– Было бы невежливо отказывать такой хорошенькой женщине, как Вы, Мариночка, но, может быть, я, все-таки, возьму такси? Не хочу Вас утруждать и отрывать от каких-нибудь важных дел.

– Вы меня ни от чего не оторвете, Борис Валерьевич. Но, если Вам хочется расплатиться за поездку, то я не буду настаивать, – Она взяла в руки трубку офисного телефона.

– Пойдите, – опередил ее Боря, – давайте так... Раз уж я решил, во что бы то ни стало, потратить деньги, я воспользуюсь Вашим предложением, а сэкономленную сумму потрачу на Ваш кофе. Идет?

– Идет, – она положила трубку и широко улыбнувшись, взяла в руки свою сумочку. – Я готова!

– Показывайте дорогу, – предложил Борис и отступил в сторону, пропуская Марину вперед.

Она перекинула через руку легкую розовую кофточку и, обогнув свое рабочее место, направилась к выходу. Боря шел чуть позади, засунув руки в боковые карманы своего пиджака, нервно перебирая пальцами ключи, какие-то бумажки и чеки, не зная, что нужно делать в таких случаях. Он давно не приглашал сотрудницу в бар. Можно сказать, это был его первый раз. Входная стеклянная дверь расступилась и выпу-

стила их на улицу. Они быстро нашли ее черную Nissan Tiida и выехали на ней в сторону центра.

Всю дорогу до ресторана Боря молчал, наблюдая за своим новым водителем. Как ловко она справляется с вождением по городским улицам, с их пробками, заторами и хамством железных коробок на колесах. Единожды, он, все же, открыл рот. Но только лишь, для того, чтобы согласиться с ее предложением. Она предложила ему заехать в «хорошенькое место», где варят хороший кофе, подают хорошие напитки, и при этом, «там всегда есть свободные столики». Он кивнул в ответ и произнес:

– Как скажете. Вы водитель, Вам и место выбирать.

И, все-таки, их было два. Два раза, когда он открывал рот. Это было так: Боря внимательно смотрел на дорогу. Он то и дело переводил свой взгляд на приборную панель, оценивая ее сияющую чистоту. Еще чаще, он посматривал на рукоятку переключения передач, размышляя о красоте Мариных пальцев, обхватывающих ее мягкий черный пластик. Но больше всего, ему нравилось смотреть на ее колени и икры. Особенно на чудесные секретарские икры, напрягающиеся каждый раз, когда Марина переставляла свою ножку с педали газа на педаль тормоза. В один из таких моментов, Марина вдруг повернулась к нему, и, улыбнувшись, спросила:

– Вам не страшно, находиться в одной машине с таким горе-водителем как я, Борис Валерьевич?

– Нет, нет. Наоборот. Вы чудесно водите, Марин... – гло-

тая слюну, ответил, застигнутый врасплох Борис.

Он хотел добавить, «как моя жена», но вовремя спохватился и добавил:

– Я спокоен, как удав.

Она улыбнулась, и они оба продолжили играть в молчанку.

Маленький ресторанчик в европейском стиле, встретил их уютной атмосферой кожаных диванов, низких деревянных столиков из темного орехового дерева и приглушенного, неяркого света бра. В зале было немногочисленно и вежливая хостес-менеджер, встретившая их на входе, предложила им занять любые, понравившиеся им места. Осмотревшись, Боря предоставил право выбора Марине, и она рукой указала на столик, стоявший на небольшой кафедре у стены.

– Я люблю это место, – присев на мягкий диван, сообщила Марина.

– Тут уютно, – поделился своими впечатлениями Борис, еще не до конца избавившийся от охватившего его временного косноязычия.

– Закажите мне креветки и бокал белого вина, – осматривая ресторанный зал, попросила Бориса его спутница.

– А как же Ваш руль? – поинтересовался Борис, начиная постепенно раскрепощаться.

– А он обойдется, – ответила Марина и весело рассмеялась, – Ему нужно оставаться трезвым. А то дяденька полицейский оденет на него наручники. Да Вы не переживайте, – успокоила она Бориса, – что может сделаться от одного маленького бокальчика вина?

Боря повернулся к нависшему над их столом официанту

и попросил для Марины бокал белого вина, а для себя стаканчик виски. «И две порции креветок», – заключил он.

– Одну порцию, – поправила Марина, подняв глаза на официанта. И, посмотрев на Бориса, добавила, – мы будем есть из одной тарелки.

– У нас большие порции, – успокоил Бориса вежливый официант, оправдывая тем самым Марину, – Ваш заказ будет готов через 15 минут.

Закрыв свой блокнотик, мужчина удалился, а Борис вернулся к начатой теме, предложив Марине отличный вариант:

– В конце концов, мы можем вернуться к первоначальному плану и взять такси.

– Можем, – ответила Марина, – но не будем. Да успокойтесь Вы. Кто остановит девушку за рулем, да еще и заставит ее дышать в дурацкую трубку? Лучше расскажите мне, Борис Валерьевич, как Вам удается подавлять ярость нашего ГЕНН-директора? Что такое Вы ему говорите, что после разговора с Вами, во всем агентстве воцаряется мир и спокойствие?

– Я говорю ему то, что он хочет услышать. И не более того, – усмехнулся Боря, скручивая в трубочку салфетку, – Но, давайте не будем говорить о работе. Не то я впаду в уныние.

– Давайте, – согласилась Марина, – предлагайте тему.

Она расстегнула пуговичку на своей блузке и, откинув назад спадающие на плечи волосы, приготовилась слушать.

– Давайте поговорим о Вас, – предложил Борис.

– Обо мне? Это Вы не считаете скучным? А что Вы хотите услышать? – весело спросила она, тряхнув головой, и слегка подалась вперед. – Я обычная секретарша. Ничего особенного. Вся моя жизнь состоит из скучной работы, шумных магазинов, завтраков и ужинов в моей скромной, пустой однокомнатной квартирке. У меня нет жены. Как и мужа. Его у меня тоже нет. Поэтому, я частенько обедаю в этом ресторане. Одна. Не считая тех случаев, когда какой-нибудь отважный мачо, из числа посетителей, совершает попытку навязать мне свою компанию. Ну, знаете, чтобы развести меня на трах. Ну, или вот как сейчас...

– И, получается? – поинтересовался Боря.

– Что получается? – сделав вид, что не поняла, спросила Марина.

– Развести, получается? – уточнил Борис.

Марина пожала плечами, словно не знала ответ на этот вопрос. Достала из сумочки свой телефон, посмотрела на него и, вернув его обратно, с невозмутимым видом, продолжила кокетничать. Ее явно забавлял этот разговор.

– Если я отвечу Вам «да», Вы решите, что перед Вами беспринципная шлюшка, а если я отвечу «нет», то покажусь неправдоподобной, лживой, беспринципной шлюшкой. Лучше я отвечу Вам так: «не всегда». Большинство этих мужчин, женатики, сбежавшие от своих жен в поисках острых ощущений. Они понятия не имеют, что их скучный и никчемный член, может заинтересовать только их соб-

ственную жену. И то, если как следует достать ее своим трех- часовым нытьем. Те же, кто не женат, имеют больше шансов на успех. Выбросьте из их числа разведенных, отчаявшихся нытиков, гиперактивных юнцов с айфонами, полными порнографического видео, и, в сухом остатке, Вы обнаружите ноль, стремящийся к бесконечности.

Марина отклонилась на спинку дивана, позволив, принесшему их заказ, официанту, спокойно расставить еду и напитки на столе и, так же спокойно, удалиться.

– Даже не знаю... – продолжил Борис, жестом приглашая Марину к блюду с салатом из крупно нарезанных овощей, сырными дольками и большими креветками, политыми пряным оливковым маслом, – ...если продолжить Вашу мысль, Марина, то получается, что у таких, как я, нет вообще ни единого шанса. Получается, что и пытаться не стоит?

– А Вы попытайтесь, – рассматривая блюдо с креветками, как бы невзначай, предложила она.

Придвинувшись поближе к креветкам, Марина с помощью вилки выловила одну из них и отправила ее на свою тарелку.

– Выглядит аппетитно, – произнес Борис, глядя поверх сочной креветки на секретарскую грудь.

– А, – отмахнулась Марина, разламывая розового рачка, – моей заслуги в этом нет. Это моей маме спасибо надо сказать...

– Я имел в виду ее, – показав подбородком, на приковав-

шую его внимание к Марининому декольте креветку, оправдывался Борис.

– Я поняла, Борис Валерьевич, – щекотала его воображение Марина, повышая и без того зверский мужской аппетит, – Моя мама говорила мне: «Марина, ешь больше морепродуктов и твоя грудь до старости будет аппетитной»...

Странные метаморфозы творились в его голове. Раньше, будучи со своей Мариной-женой, он постоянно думал о Марине-секретарше, а сейчас, когда его мечты начинали приобретать некие черты зыбкой реальности, перед ним возникла его Марина-жена. Сидя рядом с Мариной-секретаршей, сложив руки на груди, она укоризненно сокрушалась:

«Ну и скотина же ты, Боря!»

«Я не скотина. Это же только легкий флирт», – оправдывался его мозг.

«Ну, нифига себе легкий! Я аж вспотела от этих ваших разговоров», – растопылив пальцы, потрясла руками Марина-жена.

Мозг хотел что-то ответить, но его раздумья прервала Марина-секретарша:

– Никогда не стоит сдаваться, Борис Валерьевич, – продолжила свою мысль Марина, запивая вином, маленький кусочек креветки, – может быть, Ваш случай особенный... Может быть, найдется та, которая оценит Ваши усилия. Я же вижу, что в Вас есть большой потенциал. Простите, конечно, мне мою вольность, – она прикрыла рот рукой, давая понять,

что слегка перешла границы субординации, — это, ведь, Вы мой начальник, и это Вы должны оценивать мои способности, а не я...

— Ну, мы не на работе, — разряжая обстановку, усмехнулся Борис и принялся ковырять вилкой свою креветку, пытаясь отсечь ей хвост, — И потом, я сам попросил Вас дать характеристику моим шансам на успех. Поэтому, Вы можете не стесняться. И говорить, так как есть. Без всяких там... — он покрутил в воздухе ножом, — ...у нас же с Вами не деловое свидание, — продолжил он, глядя на Марину-жену, — просто обед двух знакомых людей, один из которых весьма интересная женщина, любезно согласившаяся составить мне компанию. Чему я, например, несказанно рад. Уж не знаю, приятна ли Вам моя компания.

«Ну, ты и тва-а-арь... — качала головой Марина-жена, — Хочешь, я тебе отвечу? Она сейчас доест свои креветки, запьет их вином и пошлет тебя куда подальше! А ты, придурок, вернешься ко мне и будешь опускать глаза всякий раз, когда будешь вспоминать то, как ты пускал слюни, глядя на ее сиськи. А еще, всякий раз, когда будешь встречаться с ней на работе, вспоминая как тебя бортанули. Как минимум два раза Боря! Утром и вечером! Вернись, козел, я все прощу!»

«Вы как будто с женой своей разговариваете, Борис Валерьевич», — хотела сказать Марина, но вместо этого, она положила кусочек сыра на свою тарелку и, разрезав его на две половинки, строго спросила:

– Почему Вы никогда раньше не приглашали меня в ресторан?

– Наверное, потому, что раньше мне не нужно было заказывать такси... – отшутился Борис и, выпив свой виски, обернулся в поисках официанта.

Официант мгновенно отреагировал на его телодвижение и подошел к столику. Сделав повторный заказ, Борис вернулся к своей собеседнице, продолжив разговор:

– ...а, может быть, потому что я много работаю, потому что я женат и потому что... – он промолчал.

– Потому что так не принято и потому, что я стеснялся обнаружить свой интерес к женщине, которая не моя жена, – продолжила за него Марина. – А, знаете, что, – она хитро прищурилась, – отмените свой заказ. Оставшихся креветок мы с легкостью съедим позже. Только закажите закрытую бутылку белого вина.

– Вы что-то задумали? – произнес он, обескураженный таким поворотом.

– Сделайте, как я сказала, – потребовала она, притворившись невинным ангелом во плоти. – Положитесь на мою интуицию. А когда мы завтра вернемся в офис, я сложу с себя полномочия и снова стану Вашей секретаршей.

Находясь под прессом таких весомых аргументов с одной стороны и, невероятно возросшим давлением на его яички с другой, Боря подчинился. Расплатившись за обед, получив из рук официанта пакет с креветками и бутылкой белого

вина, он протянул Марине руку, приглашая ее покинуть ресторан. Она откликнулась на его предложение, и, протянув ему руку в ответ, поднялась со своего места. Его учительница-жена осталась сидеть на диване, обреченно провожая мужа молчаливым взглядом.

Боря почувствовал, как прикоснувшись к ладони Марины, он прикоснулся к чему-то запретному. Это что-то пугало его и заставляло паниковать. Одновременно с тем, это «что-то», интриговало, наливало его ноги свинцом, не давая сбежать. Оно подводило его к краю глубокой черной пропасти, минуту назад, казавшейся большой цветущей поляной, с беззаботно кружащими над ней, его мыслями-бабочками.

Держа в руках черную, лакированную ручку Nissan, Борис совершил последнюю попытку сбежать к жене, оставшейся в ресторане. Мысленно вернувшись к дивану, он обнаружил, что диван был пуст. Он рванул ручку на себя и, поставив пакет с едой на консоль между сиденьями, забрался в салон автомобиля.

Почувствовав его нерешительность, Марина взяла ресторанный пакет и потянулась к заднему ряду сидений, избавляя его, таким образом, от страхов. Слегка завозившись с пакетом, придавая ему состояние некоего идеально-неидеального равновесия, она сняла излишнее напряжение с Бориса, позволив ему, как следует, насладиться ее бедрами.

– Давайте я его в руках подержу, – предложил Борис ее левой ягодице, затянутой в юбку.

– Все хорошо, – ответил голос Марины откуда-то из-за спинки его кресла, – нужно было его сразу в багажник поставить...

Покончив с установлением равновесия, почувствовав, по его голосу, что Борис Валерьевич немного пришел в себя, Марина вернулась в свое кресло. Она поправила юбку, немного поерзав в кресле и, повернувшись к нему, шкодливо добавила:

– ...но, уже лень вылезать.

Она откинула козырек и поправила блузку, чуть приоткрыв декольте, показала зеркалу язык и вернула козырек обратно.

– Вы любите Шаде¹⁹? – неожиданно для Бориса, поинтересовалась она.

– Я бы не сказал, что влюблен в нее, но мне нравится ее творчество, – твердо ответил Боря.

– Ну, тогда Вам понравится и Малья, – Марина завела автомобиль и уверенно нажала на педаль газа.

– А кто такая Малья? – спросил он, зацепившись за музыкальную тему, как за спасательный круг, – Это Ваша кошка?

Марина рассмеялась. И, не потому, что по достоинству оценила тривиальную шутку Бориса, а потому, что почувствовала, как он окончательно расслабился, перестав думать о своей жене.

– У меня нет кошки, – продолжала смеяться Марина, – А Малья, это такая джазовая певица. Поет в стиле cool-jazz. Я, как раз купила, ее альбом. Мне кажется, Вам понравится. В крайнем случае, мы с Вами слушаем Шаде. Кстати, простите меня, что я не включаю музыку в машине. Ее пластмассовый звук меня раздражает.

– Все нормально, – успокоил ее Борис, заметив, что они действительно, все это время, ехали в тишине, – мне не ме-

---

¹⁹ Sade – британская музыкальная группа, состоящая из Шаде Аду, Стюарта Мэтьюмена, Пола Спенсера Денмена и Эндрю Хэйла. Группа носит имя единственной вокалистки группы, Шаде Аду, и часто ассоциируется только с ней.

шает. Ну, в смысле, мне музыка и в моей машине надоела. Так, даже комфортнее. Нужно будет тоже поэкспериментировать и поездить в тишине. Правда, для этого мне будет необходим хороший собеседник...

Борис вдруг замолчал, посмотрев в свое окно. Прямо за стеклом, на него, осуждающе, смотрела его жена, сидя в кресле, пролетающем сквозь припаркованные автомобили.

– Это вовсе не обязательно, – вернула его мысли, обратно в салон, Марина-секретарша, – поверьте. Совсем не обязательно...

Они еще немного пообсуждали свои музыкальные предпочтения, и резко перешли к обсуждению «женщин за рулем». Боря восторгался Мариной и ее умением объяснить необъяснимые вещи. Ему нравился ее открытый, звонкий смех, ее смелая непосредственность и магнетическое обаяние. До сих пор, он считал ее красивой женщиной-пустышкой, из числа тех, кого Господь награждает красивым телом, напрочь лишая внутренней красоты. И, вроде бы, она ничего такого не сказала, чтобы выдавало ее супер-интеллект, но во всем: в ее словах, ее взгляде и даже в ее смехе, чувствовалась какая-то особенная рассудительность. Это была не дура-секретарша. Это была уверенная в себе женщина – сильная и самостоятельная, умело пользующаяся своей идеальной внешней оболочкой.

– Мы приехали, – объявила она, и, выключив двигатель, потянулась за пакетом с едой.

Демонстрируя его тяжесть, Марина обеими руками вынула из-за сиденья бумажный пакет и поставила колени Бориса. Подняв голову, она на секунду задержала свой взгляд на его глазах, начинавших вновь заполняться неуверенностью.

– Мы никому не расскажем об этом дурацком приключении, – улыбнувшись, тихо сказала она, – даже Вашей жене.

Она подалась еще немного вперед, поцеловала его в уголок губ, и, резко вернувшись в свое кресло, шутливо скомандовала: «На выход, Борис Валерьевич!» Открыв дверь, она выскочила из машины, оставив в ней ошарашенного Бориса. Он подчинился и последовал примеру Марины.

«Что это было?» Будто клеймом горело то место, куда прикоснулось тепло ее губ, словно зияло отверстием в его голове. И, протянув через это отверстие незримый электрический кабель, кто-то подал разряд необъяснимых ощущений. Все пространство его головы заполнила необычайная какофония звуков. Он слышал шум ветра, гул трансформатора, звонкое биение его собственного сердца – оркестр, играющий странные симфонии, пчелиный рой жужжащих вопросов. Не помня себя, Борис вывалился из машины.

Вопреки ожиданиям Бориса, ее квартира не была похожа на жилище ведьмы, с лампадами и куклами Вуду. Не представляла она из себя и садомазохистскую келью юной потрошительницы сердец. Не было в ней ни железных кроватей с наручниками и цепями, ни бандажей и плеток, разбросанных по углам. Это была аккуратная светлая квартирка-студия в современном, минималистском стиле от ИКЕА, в теплых, молочно-кофейных тонах.

В прихожей, Марина освободила Бориса от его ноши, забрав у него ресторанный пакет, и предложила сесть на диван, стоявший почти на середине просторной прямоугольной комнаты. Она подняла крышку ноутбука от Apple, и комнату наполнили мягкие, доносившиеся откуда-то сбоку, серебряные звуки джаза. На маленьком столике перед диваном появились те самые креветки и два бокала для белого вина. Боря откупорил врученную ему бутылку и, глядя на присевшую напротив Марину, расположившуюся на толстом, молочно-белом ковре, наполнил бокалы.

Ему действительно понравилась Малья. Она, как нельзя кстати, дополняла теплый антураж комнаты, делала ее уютной и безопасной. Теперь он слышал только музыку, избавившись, наконец, от назойливых звуков трансформатора.

– Правда же, тут намного уютнее, чем в ресторане? – слов-

но прочитав его мысли, спросила Марина, попробовав вина.

— Тут все намного волшебнее, чем я себе представлял, — признался Борис, согревая свой бокал обеими ладонями, — Вы, эта музыка, даже это вино...

Марина, вдруг, тоже его почувствовала — это волшебство, неожиданно охватившее их обоих, закружившее и сблизившее их, растворившее в музыке, смешивающейся с винным ароматом нагретого Борисом бокала. Она поставила недопитое вино на стол и растегнула блузку. Пока, обескураженный происходящим на его глазах действием Борис, рассматривал ее великолепную грудь, сдерживаемую белоснежными кружевами ее нижнего белья, Марина оказалась у Бориных ног. Поставив руки на диван, она приподнялась, встав на колени, и ее губы оказались в сантиметре от его лица. Теперь, Борису мешал бокал. Он попытался поставить его на столик, подавшись слегка вперед и... их губы соприкоснулись. То ли от страха, то ли от счастья, но в его голову лезли совершенно идиотские мысли: «Не расплескать бы вино. Нужно освободиться от этого чертового бокала!» Не размыкая губ, он попробовал вывернуться и привстать. Когда стеклянная ножка опустилась на столешницу, Борис оказался над Мариной. Она лежала на его левой руке и, сомкнув губы, дразнила и завораживала его блеском своих улыбающихся глаз. Вот теперь, его мысли перестали быть идиотскими. Теперь они были сосредоточены на роскошном женском теле, так удачно свалившемся с неба в его руки. Марина была очарователь-

на. Нет. Она была невероятно красива. Ему захотелось коснуться ее лица, ее волос, ее груди, проверить – не снится ли ему эта красота. Он нащупал маленький замочек за ее спиной и больше не смог сдерживать, захватившую все его тело, страсть.

В комнате звучала Шаде, перебивая легкий шум бегущей воды, доносившийся из ванной комнаты. Развалившись на ковре, сидя в одних трусах и рубашке, Боря доедал жирную креветку. Он был расслаблен и счастлив. То и дело, закрывая глаза, он переживал головокружительные моменты его сегодняшнего бенефиса. Снова и снова, ощущая в руках красивое женское тело, он вспоминал каждый его бугорок, каждый его сантиметр. Задумчиво глотая вино, он возвращался к ее лицу, будто пил сладкий поцелуй из ее губ. Продолжая слушать легкую джазовую мелодию, мысленно хвалил себя за проявленные им стойкость и героизм. Наконец, он открыл глаза и потянулся к своим брюкам.

Отыскав в кармане свой телефон, он набрал номер Славы. Абонент все еще не мог с ним разговаривать. Боря отложил телефон и снова закрыл глаза. Его воспоминания прервал щелчок дверной защелки, но он не пошевелился, продолжая сидеть с закрытыми веками. Марина неслышным шагом прошла в комнату и, подкравшись к Борису, наклонилась к нему и поцеловала.

– Борис Валерьевич, – запахивая слегка открывшийся халат, улыбнулась Марина, открывшему глаза Борису, – Вам кто-то звонил?

– Нет. Это я звонил. Я попытался найти своего пропавше-

го друга, – улыбаясь, ответил он.

– Нашли? – она присела на полу, рядом с ним.

– Нет, – ответил Борис и, чуть привстав, налил ей вина, – он еще на своем свидании.

– У него тоже есть секретарша? – прищурившись, поинтересовалась Марина, кусая креветку.

– Нет. У него даже жены нет, – спокойно ответил Борис и мгновенно пробудил в себе иные воспоминания.

Он занервничал. Его как будто ударили, откуда-то изнутри. В области груди, неожиданно возник огромный горящий шар. Он нарастал и давил на живот, обжигал уши и скулы. Тело залихорадило и затрясло. Боря открыл рот, чтобы глотнуть побольше воздуха, но это не помогало.

– Марин... – выдавил он, наконец.

– Борис Валерьевич, – спокойно ответила Марина, не дав ему договорить, – я знаю, что Вам необходимо идти. Я Вас провожу.

Она встала и, подняв с пола его брюки, бережно передала Борису. Он застыл в нерешительности. Теперь, ко всему прочему, ему стало немного стыдно. Марина закрыла глаза и снова его поцеловала. Долгим и нежным поцелуем. Его шар стал остывать. Грудь еще болела, но жар отступил и дал возможность прийти в себя.

Они попрощались в коридоре. Борис обхватил ее талию и опустил голову в ее грудь. Он втянул ноздрями воздух. Вдохнул так глубоко, словно хотел вобрать весь ее аромат,

все ее тепло, всю ее нежность. Вобрать и унести с собой. Он еще что-то хотел сказать, но Марина положила ладонь на его губы, заставив его смолчать. Она улыбнулась и напомнила:

– Помните, о чем мы договаривались? Завтра, я – Ваша секретарша, а Вы – мой шеф. И никаких глупых воспоминаний.

– И никаких глупых воспоминаний, – повторил он и выпустил Марину из рук.

Выходя из лифта, Боря снова позвонил Славе и, не дождавшись ответа, вызвал такси.

Домой Борис вернулся около девяти. Дома пахло ужином и... домом. Дома пахло домом.

Марина встретила его привычным поцелуем, вопросом о причине его опьянения и рассказом о том, что произошло сегодня в школе: «... что ее директор потребовал от нее, чтобы она выходила на работу не на пару часов в день, а задерживалась бы до вечера. Хотя она не может понять зачем. Ведь учебный год еще далеко, а подготовка учебных планов и всякой такой дребедени не требует от нее таких невероятных усилий...» В конце концов, предположив, что таким образом директор пытается до нее грязно домогаться, они сели ужинать.

– А что, твой директор вампир? Днем он силы теряет? – смеялся Борис, втайне от жены, вспоминая свое волшебное приключение.

– Школа видимо мешает... – ответила Марина, – ...Боря, я тебя умоляю. Какие у него силы? Мне просто кажется, что этот старый похотливый засранец, только того и хочет, чтобы его воспринимали этаким мачо. А на деле, он такой же, как ты – храбрец только на словах.

– Ты ко мне несправедлива, Марин, – шутливо возмутился Борис.

– Да все вы мужики одинаковы, – отмахнулась от него Ма-

рина, — бегаєте с высунутыми языками за сиськами с письками. Как увидите чуть открытое декольте, так слюнями исходите, и тельняшки на себе рвете. А стоит подойти к вам поближе и схватить вас за яйца, так вся ваша храбрость в пятки уходит. И скулить начинаете, мол, работы много, устал, дескать, настроение не то, давай завтра попробуем... Борь, не начинай этот диспут. Не в твоих это интересах. Лучше расскажи мне, ты поговорил с Майей?

— Нет. А должен был? — удивился Борис.

— Боря, ты ведешь себя, как будто тебя только что трахнули, — возмутилась Марина. — Лицо у тебя счастливое и глупое, а голова пьяная и дурная. Я не знаю, кто тебя трахнул, не знаю, что и кому ты там был должен, но ты мне утром обещал, что придумаешь, чтобы эта стерва не навредила Славе.

— Обещал — сделаю! — ответил Боря, пережевывая кусок стейка, — Но Майе сейчас звонить нет смысла. Майя прилетит только послезавтра. А за эти два дня я все сделаю. Комар носа не подточит. Я уже сегодня практически устроил Славу к нам на постоянную работу. И все благодаря моей затее с Майей. Так что он мне еще спасибо скажет. К тому моменту, как она прилетит, Славе не нужно будет даже вспоминать о ее существовании.

Боря врал и изворачивался. Не только потому, что знал, как ревностно оберегала Марина их дружбу со Славой. Он врал и изворачивался, приняв Маринины слова о трахе за ее чуткую, женскую интуицию. Он совершенно серьезно насто-

рожился, осматривая себя со стороны. Никакого предательства он пока не находил. Ни на своей рубашке, ни на брюках. Но, это «что-то», нужно было как можно скорее смыть. Поэтому он быстро проглотил кусок стейка и чуть не поперхнувшись, продолжил:

– Марин, я знаю, как ты беспокоишься о Славе. И я еще раз, торжественно обещаю, что ни один его волос не упадет на подушку этой Горгоны.

– Чего ты себя все осматриваешь? – усмехнулась Марина, – Что потерял? Ведешь себя, словно со свидания притащился.

– Марин, прекрати меня смешить, – пытаюсь перевести свой истерический смех в шутку, попросил Боря, почувствовав, как к его щекам подступила краска, – мне и без свиданий забот хватает. Просто вспоминал, что я тебе еще такого обещал и не сделал, а ты сразу...

– Ладно. Я в тебя верю. Доедай свой ужин и отправляйся в душ. От тебя воняет как от козла, – скомандовала Марина, будто прочла его мысли.

Она встала из-за стола и, положив свою тарелку в мойку, отправилась в спальню. Откуда-то из глубины комнаты, до него долетел ее голос:

– Я ложусь спать! Не буди меня!

Борис отставил тарелку, так как есть ему, теперь, не хотелось вовсе. Он встал и побрел в душ.

Теплая струя воспоминаний нахлынула на него вместе

с потоком горячей воды. Бориса словно вынули из его панциря и поместили на раскаленный песок. Он терялся и не знал, куда ползти, спасаясь от иссушения. С одной стороны, была она – секретарша. Как океан, она манила, звала, отдавая ему свое тело, свои мысли, музыку и снова тело. С другой стороны, был его панцирь. И, в этом панцире было все: и спасительная тень, и пища, и привычная работа... И в этом панцире жила его жена – маленький спасительный оазис, который мог напоить и согреть, успокоить и защитить. Так отчего же, его так сильно тянуло в сторону океана?

Боря открыл глаза. Хватая ртом струи воды, он пытался гасить ими свой внутренний стон, поднимающийся из груди. Сейчас, что бы он ни делал, как бы не старался думать о Марине-жене, Марина-секретарша была сильнее. Она стояла перед его глазами в коротком, бежевом халатике и спрашивала: «Борис Валерьевич, Вы любите Шаде?»

Он с силой скомкал свое лицо, как будто хотел снять с него кожу. А когда его пальцы остановились на шее, в его кулаках, под струйками горячей воды, скомканным листом бумаги формата А-4, намокала его душа.

Закрыв глаза, он постоял еще немного. Заглядывая внутрь себя, он ничего больше не видел, кроме пустоты. Кроме стиснутых у горла кулаков, ничего не ощущал. Он разжал кулаки и посмотрел на пустые ладони. Линии, трещинки, стекающие по ним, и срывающиеся вниз, капли воды. И больше ничего. Боря сжал кулаки и стал ими бить себя в лоб, но сек-

ретарша Марина, снова и снова улыбалась ему, сидя на полу за маленьким столиком. Наконец, решив, что, «так можно и свихнуться», Боря резко открыл глаза, выключил душ, и наспех обтершись полотенцем, вышел из ванны, набросив на себя махровый халат.

Марина уже спала. Боря неслышно лег рядом и, нежно обняв жену, прижавшись к ней животом, крепко уснул.

Слава открыл шкафчик, в котором Маша хранила всевозможные коробочки и баночки с чаями. Многократно перебрав содержимое полок, в поисках чего-нибудь кофейного, он обнаружил банку с растворимым суррогатом. Повертев банку с «крысиным ядом» в руках, Слава поставил ее на стол и включил чайник. Нет, конечно же, он не был таким уж ханжой. Считая себя всеядным, в случае крайней необходимости, он мог запросто проглотить даже машинное масло. Не говоря уже о каком-то растворимом напитке, носящем громкое название «КОФЕ». Но, сейчас, Слава не дрейфовал на льдине посреди Ледовитого Океана, он не был заброшен на необитаемый каменистый остров. Поэтому, ни героизма, ни самопожертвования, от него не требовалось.

Он еще раз взглянул на банку. «Крысиный яд» – вот так бы он написал на ней, будь он производителем этого чудесного, ароматного пойла. Кто помнит, как звучит их реклама? «Проснись для жизни»? Более циничный слоган для отравы придумать сложно. Как вы думаете, почему все эти дебилы из видео, с сумасшедшими глазами, полными охреневки какого счастья, разгуливающие в красных футболках по вашим квартирам, единственным возможным способом вас разбудить, считают чашку растворимой бурды? Вас, когда-нибудь, будил его мерзкий запах? Уловили иронию? Те-

перь вы поняли, почему, даже запах сероводородной бомбы, взорвавшейся перед вашим носом, не сможет разбудить вас так эффективно, как этот бодрящий напиток? Одно не понятно, почему же, тогда, все ролики, рекламирующие это чудо-зелье, обладающие свойством нашатыря, гласят: «БОЛЬШЕ способов разбудить», если в их чудо-рекламе способ, всегда, только один – их кофе?

И, кстати, Вы видели всех этих бедных, несчастных людей, над которыми ставят свои эксперименты эти крысоловы в красных робах? Смотрели их рекламный ролик? Наблюдали, как мертвецки спящим женщинам и старикам в нос залетало ядовитое белое облако – результат какой-то ужасающей химической реакции в красной чашке? Помните, как вздрагивая, они просыпались, совершенно одурманенные? Как очумело улыбались незнакомцу, проникшему в их квартиру, без их ведома, будто бы находились под воздействием сильнодействующего наркотика? Вам никогда не было интересно, что стало потом с этими бедолагами? Славу всегда мучал этот вопрос, несмотря на то, что в его квартире никогда не было вещей, представляющих хоть какую-нибудь ценность.

Он не мог пить ничего кроме кофе. Ни воду, ни чай. Особенно по утрам. Но, того, что Слава называл словом «кофе», у него под рукой не было. Поэтому, засунув в задницу свою гордость, он засыпал в чашку три ложки суррогата из красной банки и залил кипятком. Ничуть не возбуждив-

шись от зловония, распространившегося по кухне, он сделал три больших глотка и вылил содержимое чашки в раковину.

Почистив зубы и умывшись, Слава натянул на себя разбросанную по квартире одежду и выскочил из Машкиной квартиры, отправившись на поиски хоть какого-то, настоящего кофе. Сбегая вниз по лестнице, он позвонил Борису.

– Привет, Борь. Ты мне звонил, – сообщил он в трубку.

– Звонил? Да я чуть телефон не сломал! Десятки звонков и все – в никуда... – начал было распаляться Боря.

– Не ври. Всего шесть звонков. Вот умеешь ты врать. Я не мог ответить. У меня было свидание с Машкой. А чтобы ты, его, как всегда, не испортил, я выключил телефон. Ладно, говори, что там у тебя? – подходя к своему купе, спросил Слава.

– Мы сегодня идем на ужин в Дом Издателей. Ну, это типа Дома Издателей. Короче на тусовку, где будет куча крупных книгоиздателей, редакторов журналов, короче, весь свет печатающих и пишущих гениев. И, я не хочу даже слышать, что тебя, по каким-то там причинам, там не будет, – выпалил Борис, боясь, как бы его не прервали.

– Хорошо, – садясь в автомобиль, спокойно, вопреки ожиданиям Бориса, ответил Слава, – во сколько это сие грандиозное событие произойдет?

– В пять часов. Я встречу тебя там. Буду там немного раньше. Не опаздывай и оденься как-нибудь поприличнее. Там, все-таки, будет не совсем дискотека, – попросил Боря и на-

звал Славе адрес.

– Жаль, – ответил Слава, выезжая со двора.

– Что жаль? – переспросил Борис.

– Жаль, что не будет дискотеки. У меня как раз такое на-
строение, что я бы с удовольствием позажигал, – весело про-
должал Слава, – У тебя все в порядке? Ты какой-то заморо-
ченный.

– У меня все отлично. Лучше и придумать сложно. При-
едешь, расскажу, – пообещал Борис и еще раз повторил
свою просьбу, зная, какой необязательной бывает Славина
память, – только не опаздывай, прошу. Будь человеком.

– Все, Боря. Я даже взял ручку и записал. В пять часов
буду как штык, – соврал Слава и повесил трубку.

Он тут же набрал номер Маши и мило поздоровался:

– Приветик, солнце... Нет. Только что проснулся... Еду
на поиски кофе... Да я не могу пить то, что ты называ-
ешь «кофе»... Да я, правда, еду только за кофе... Да точно.
Неужели ты думаешь, что кто-то может заставить меня из-
менить мое решение?.. Ну, я так и сказал... Нет. Я как раз-
таки сказал, что ты лучше всех их вместе взятых... Ниче-
го я не сравнивал... Ну, перестань, Маш. Ты у меня совер-
шенство. И я не настолько глуп, чтобы этого не видеть, без
всяких там сравнений. Вот я другое дело... Я и позвонил
тебе, чтобы сказать, что не уверен, что мне удастся тебя за-
брать с работы. Боря пытается затащить меня к своим изда-
телям... Не знаю, в пять. Хочу еще успеть заскочить в по-

крышечный магазин и купить колеса. Что-то меня уже достало скользить даже на сухом асфальте... Нет. Колеса я сейчас хочу купить. Просто не знаю, насколько долго затянется эта издательская конференция... Маш, ну вот, из-за тебя я чуть поворот не пропустил. Да с чего ты взяла, что мы туда только из-за баб ходим? Это же не баня. Это – конференция! Мы работаем!.. Ну хорошо, пошел я в жопу. Но я, все равно тебя люблю... Ну и не верь. Ладно, я заскочу, отмечусь и сбегу... К тебе, к кому же еще... Ну как хочешь. А я все равно сбегу... Ну хорошо, не обещаю. Но, хоть скучать ты мне позволишь?.. Ладно, скучать тоже не буду. Все давай пока... Как что значит? Уже начал не скучать... Ладно, пока. Целую.... Я позвоню... Хорошо звонить тоже не буду... Пока.

Слава убрал трубку в карман и продолжил рулить, задумчиво улыбаясь. «Все-таки, какая же она у меня умничка», – думал он, вспоминая свой телефонный разговор с Машей. Отыскав глазами, довольно-таки милое, судя по названию, кафе, он остановился у тротуара.

Войдя в кафе, он, с огромным облегчением, полной грудью, вдохнул аромат свежемолотого кофе. Оценив обстановку, «пересчитав» всех посетителей, он подошел к стойке бара. У стойки его встретила приятная улыбчивая девушка. Отсутствие, у нее в руках, каких-либо электронных гаджетов, сразу настроило Славу на дружественный лад. Он поздоровался и, услышав в свой адрес ответное приветствие, как обычно, поинтересовался:

– Простите, Дарья, а как обычно к вам обращаются друзья? – спросил он улыбаясь.

– Даша, – ответила Даша такой же вежливой улыбкой.

– У Вас чудесное имя, Даша. Мне оно очень нравится. Мне вообще сегодня с самого утра везет. Сначала у меня дома закончился кофе, а потом я встретил чудесную девушку Дашу. Дашенька, скажите, Вы варите кофе? – с видом страждущего, спросил Слава.

– Да, я обожаю варить кофе. Вам сварить? – она улыбнулась еще шире.

– Сварите, пожалуйста. Я умираю, как хочу выпить кофе, – продолжил Слава.

– Вам какой? Эспresso или капучино? – вежливо спросила Даша и, подойдя к кофейному аппарату, сняла холдер, чтобы насыпать в него кофе.

– А какой у вас лучше всего получается? Сделайте как себе, только в три раза крепче и без молока, – попросил Слава и мило улыбнулся.

Даша вежливо кивнула в знак согласия и взялась за приготовление напитка.

– Вы можете пока присесть. Я принесу Ваш кофе, – улыбаясь, пообещала Даша.

– Слава, – представился Слава, – меня так зовут. Если вдруг потеряете меня, кричите изо всех сил, и я сам приду за своей чашкой.

Слава оставил улыбающуюся Дашу за ее занятием и от-

правился искать себе компанию.

Возможно, вы спросите: «Зачем он все время повторяет одно и то же? Зачем он говорит всю эту муть, если достаточно просто попросить чашечку эспрессо?» Слава бы вам ответил, что делает он это, только потому, что те девушки, с которыми он находил общий язык, те, что благодарно принимали его комплименты, «готовили, и даже подавали кофе, чуточку вкуснее». На самом же деле, ему просто нравилось делиться с ними своим хорошим настроением. Быть может, именно поэтому, Даша, вопреки установленным правилам, согласилась побыть в роли официанта? А может, приняв на свой счет какие-то элементы ухаживания, она порадует-ся тому, что не зря накладывала этот чертов макияж, потратив на него целую уйму времени, вместо того, чтобы лишний час поспать? Может быть, ее маленькая радость, подарит частичку этой радости каждому посетителю ресторана, будь то улыбка и ароматный кофе в его чашке? Славе нравилось дарить людям радость. Потому что взамен, он получал такие же светлые улыбки, делавшие его еще радостнее и счастливее.

Отношения между людьми, ему представлялись пружинками и винтиками.

Винтики, вы можете вкручивать до тех пор, пока хватит резьбы. К сожалению, она, зачастую, бывает, не бесконечна. К тому же, иногда, требуются невероятные усилия, чтобы преодолеть сопротивление трения о внутреннюю резьбу. Обычно, сил, на обратное выкручивание, уже не хватает. По-

этому, вы оставляете их навсегда. И этого «кого-то», и свой винтик. Оставляете и идете дальше. Дальнейшая их судьба, Вам становится неинтересна. Или, попросту, неизвестна. Сказали ли вы что-то хорошее, улыбнулись ли на прощание, вы оставляете свой винтик ржаветь в чьей-то голове и отныне, вы больше никогда не узнаете результат ваших стараний. Проживет ли конструкция год или развалится через минуту, для вас, уже не имеет никакого значения.

Пружинки нравились Славе больше. Знаете, почему пружинка, если ее сжать, разжимается с большей амплитудой и почему, при этом, всегда выделяется тепло? Если рассматривать этот процесс с научной стороны, то, как его объясняют ученые физики, это происходит потому, что металл имеет собственную кристаллическую решетку, на которую кроме потенциальной энергии сжатия, действуют силы упругости, стремящиеся вернуть решетку в начальное состояние. Если отпустить сжатую пружину, то потенциальная энергия превратится в кинетическую. Пружина придет в движение и выделится тепло. Если переложить эту, чисто механическую теорию, на наши с вами человеческие взаимоотношения, то ничего принципиально не изменится. Когда вы говорите друг с другом, делитесь счастьем, радуетесь за кого-то, или просто дарите улыбки, вы словно сжимаете упругую сталь разделяющего вас пространства. Отпустите, сделайте паузу и пространство распрямится в обе стороны с еще большей энергией, чем та, что вы затратили. Кроме радости,

обратно, вы получите тепло, выделенное работающими кристаллами воздушного пространства. Конечно, кто-то из вас, может заявить, что теорема без доказательств, это лишь гипотеза. А хотите услышать ее доказательство? Тогда, просто вспомните слова детской песенки: «От улыбки стало вдруг теплей...»

Вот, почему Слава, всякий раз, когда с кем-то разговаривал, нес всю эту, так называемую, «муть». Иногда, впустую вкручивая винтики. Или, вот как сейчас – сжимая и разбрасывая повсюду свои маленькие пружинки.

Слава заметил приятную женщину лет тридцати, одиноко сидевшую за столиком у окна. Он подошел ближе и, воспользовавшись своим старым трюком, спросил у нее:

– Простите, не посторожите для меня этот стул? Я боюсь, что, когда мне сварят кофе, его уже кто-нибудь займет.

– Я бы с радостью его посторожила, – ответила женщина, слегка улыбнувшись, – но этот стул я уже сторожу для другого мужчины.

– Да? – изумился Слава, присев на этот самый стул, – И кто же заставил Вас ждать? Мне почему-то казалось, что так не бывает.

– Как не бывает? – заинтересованно спросила она.

– Ну, так. Чтобы кому-то везло больше, а кому-то не везло вовсе, – ответил Слава и тепло улыбнулся, – Ну, вот как в нашем с Вами случае. В этом кафе миллион свободных стульев. И, вот... когда мне понравился именно этот стул, ока-

залось, что он уже кем-то занят. Значит, мне сегодня не повезло. Чего не скажешь про Вашего мужчину.

Слава повернулся и поднял голову и обратился к Даше, принесшей ему его кофе:

– Дарья, вот Вы, верите в совпадения?

– Конечно, – не колеблясь ни минуты, ответила Даша.

Слава повернулся к незнакомке и, словно приводя Дарьины слова в доказательство, показал на нее обеими руками.

– Вот. Видите, Дарья тоже верит в совпадения, – убедительно произнес он и, протянув Даше купюру, поблагодарил ее, – Спасибо, Дашенька. Вы меня просто спасли. Уже дважды за одно только утро.

Дарья взяла деньги и, весело подмигнув ему, удалилась.

– Я Вам объясню свою мысль и избавлю Вас от своей компании... – дабы не показаться назойливым, успокоил собеседницу Слава, – ...а, возможно, к тому времени, как я допью свой кофе, придет хозяин стула. И мне... просто не останется ничего делать, как вернуть ему его имущество.

– Ну, давайте эту Вашу мысль, – улыбнувшись, попросила она.

– Можно я представлюсь? Я Слава. Это на всякий случай... – Слава пожал плечами, совершая глоток горячего, ароматного кофе, – ...Эта девушка, что подходила, она Даша. Ну, Вы это уже слышали. А Вы... – он поставил чашку на столик и замер в ожидании.

– Александра, – ответила незнакомка, – только Вам сле-

дует поторопиться, потому что хозяин Вашего стула вот-вот придет. А он очень ревнив. Не хотелось бы везти Вас в травматологическое отделение.

– Я мягкий, – пошутил Слава, – Но, тем не менее, я запомню Ваш совет. И так, вернемся к моей мысли. Понимаете, Саша... Могу Вас так называть? Так проще произносится... – он убедился, что она не против и продолжил, – ...иногда, случается так, что, казалось бы, два совершенно одинаковых человека, живут одинаково, ходят одинаково, одинаково мыслят, даже одинаково делают какие-то вещи. Но! Отчего-то, по каким-то немыслимым законам вселенной... – он изобразил вселенную, вращая руками в воздухе, – ...и эта ослепительная женщина (он показал руками на Александру), и этот дурацкий, понравившийся мне стул (он взялся руками за сиденье), все это, по каким-то причинам, достается не тебе, а тому (он повернулся и указал на дверь), второму, вроде бы, одинаковому. Может, он, конечно, чуть лучше, и чуть успешнее тебя, но все же... Что же это за вселенная такая?

Саша искренне рассмеялась и, чуть подавшись вперед, тихонечко ответила:

– Любите испытывать судьбу? Ну, тогда поклянитесь, что никому не расскажите.

– Клянусь, – не раздумывая заверил Слава.

– Ваша вселенная ни в чем не виновата. Дело все в том, что Вы ходите с ним по разным орбитам. Вам могло повезти не меньше, а может быть даже больше, но тот, второй, –

она посмотрела на ту же дверь, что и Слава, – был, не чуточку лучше, и не чуточку успешнее, а чуточку раньше. Потому он и оказался ближе. И поэтому, все это, – она развела руками и вернула себе прежнюю позу, – принадлежит ему. А вот и он...

Александра замолчала и откинулась назад, словно ожидала скандала. Слава настороженно повернулся к двери, находившейся за его спиной. Из противоположного конца зала к ним быстро приближался мужчина, своими габаритами напоминавший самосвал. Судя по его размашистым движениям руками, он был явно разъярен. «Неудачный день на работе?», – решил Слава и неожиданно вспомнил, что у него «появилось неотложное дело в офисе». Продолжая улыбаться, он попытался ретироваться, извинившись перед спутницей, но его уже остановила чья-то тяжелая рука, рухнувшая на его плечо, словно скала.

Тут, надо сказать, что Слава не был совсем уж беззащитным доходягой. Он был достаточно хорошо сложен и мог бы за себя постоять. Вообще-то, он мог бы, совершить пять... Или нет, даже шесть (!) подтягиваний на турнике! Но, вот, вступать в спор с огромным, пыхтящим за его спиной автоботом-трансформером, он был совсем не готов. Да и турника перед ним, к огромному его сожалению, сейчас не было. Рука-скала развернула его вместе со стулом, словно спичку. И, голос десептикона прогремывал:

– Так вот ты какой, северный олень?!

В эту же секунду, в глазах у Славы резко потемнело. Он почувствовал, как его тело приобрело странную легкость и оторвалось от стула, словно оказалось в кабине космического корабля. Он открыл люк, и, распластав руки по сторонам, выплыл в открытый космос. Перед ним открылась его вселенная. Тут были мириады сияющих звезд, похожих на электрические лампочки, сорвавшиеся с потолка, и сотни пролетающих мимо метеоритов, своими хвостами напоминающих огонь, вырывающийся из сопла реактивного самолета. Тут были и сами самолеты. Много самолетов. Он подплыл к одному из них, заглянул в иллюминатор и улыбнулся милой девушке с лицом Даши. Она что-то кричала, словно предупреждала его о приближающейся опасности. И вдруг, иллюминатор треснул, как будто его выдавило невероятной силы давление, поднявшееся внутри самолета. Через секунду, иллюминатор лопнул, и обжигающие осколки стекла полетели ему в лицо. Голос Даши стал отчетливым. «Слава, – кричала она, – Слава, откройте глаза».

Вдруг, вся вселенная исчезла. Он оказался в крошечной, звенящей темноте. Пытаясь поднять веки, чтобы найти Дашу, или, хотя бы, то место, откуда доносился ее голос, он напряг все свои силы. Не сразу, но у него получилось. Яркий свет ослепил, острым ножом резанув по глазам. Теперь не стало тьмы. Теперь было много света. Слишком много света. Слава почувствовал тупую боль в области затылка и обнаружил, что у него не было лица. Он услышал еще

несколько голосов, неразборчиво выплывающих откуда-то сверху. Но больше всего, он обрадовался голосу Даши, сообщившему остальным голосам, что «Слава очнулся». Его голову подхватила и приподняла какая-то неведомая сила. Она опустила ее на что-то мягкое. Зрение стало возвращаться. Сквозь дымку какой-то полиэтиленовой шторки, он увидел лицо Даши. Теперь, в его тело, вместе с чувствительностью, потихонечку возвращалось сознание. Он наконец понял, что лежит на полу того самого кафе, а полиэтиленовая шторка, это ни что иное, как пакет со льдом, придавленный к его исчезнувшему лицу. Он увидел лицо мужчины-самосвала, выплывшее из-за головы улыбающейся Дашеньки. Лицо внимательно изучило Славу и прогремыхало:

– Ничего. Жить будет.

– Сереж, ну какой же ты дурак, – послышался голос Александры, – смеешься, когда совсем не до смеха.

Самосвал исчез, продолжая громко извиняться перед Сашей, а Дашенька, убрала пакет со льдом, и счастливо улыбаясь, спросила:

– Как Вы себя чувствуете, Слава?

Слава попытался разжать то место, где у него с утра были губы. И, получилось, что-то типа:

– Рикрасна, тока ица э чустую.

– Мы вызвали «скорую». Так что лежите до тех пор, пока она не приедет, – настоятельно порекомендовала Даша, – у Вас может быть сотрясение.

Услышав про «скорую», Слава почувствовал себя намного лучше. Слова: «скорая», «больница», «поликлиника» и «лекарство», действовали на него лучше любого укола адреналина или транквилизатора. Он, прямо сейчас, был готов бежать стометровку, лишь бы не встретить людей в белых халатах. Слава смог приподняться, несмотря на то, что Даша пыталась ему помешать, удерживая его обеими руками. Вернув себе силы, он поднялся на ноги, и, придя в себя окончательно, ясно увидел человека-самосвала, сидящего за столиком рядом с Александрой. Они оба, его Даша и еще десяток незнакомых ему посетителей кафе, смотрели в его сторону. Кто-то из них, пытался смеяться и шутить, кто-то перешептывался. А Саша и его новый знакомый – Сережа, просто молчали, испуганно рассматривая потерпевшего. Слава попытался ощупать свое лицо. Он коснулся места, где, по его мнению, у него был нос. Пронзительная боль, тут же взлетела вверх по переносице и, ударившись в лоб, пробила в нем пулевое отверстие. Слава выругался: «твою же мааа...», и, закрыв глаза, рухнул на свое прежнее место – на свой «счастливый» стул. Боль, расплывшись по всей голове, отступила, и он снова открыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.